

The background is a rich, detailed landscape painting. It depicts a dense forest with various types of trees, including tall, thin trunks and thick, gnarled ones. A stream flows through the center of the forest, surrounded by rocks and fallen branches. In the distance, a castle or a large building is visible on a hillside, partially obscured by the trees. The overall color palette is dominated by greens, browns, and blues, with a soft, atmospheric light filtering through the canopy.

Вера Попова

*Ночь
на Ярилу
Мокрого*

Вера Попова

Ночь на Ярилу Мокрого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22168275

ISBN 9785448350665

Аннотация

У каждого, кто окунулся в наследие своих славных предков, был свой путь. Но этот путь был похож на многие другие. Это всё и описано в данной книге на примере главного героя.

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	27
5	31
6	36
7	56
8	61
9	70
10	76
11	87
12	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ночь на Ярилу Мокрого

Вера Попова

© Вера Попова, 2017

ISBN 978-5-4483-5066-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Николаю ЧУРилову посвящаю

*РОДа единого ведаю я, Что сотворил Мирозданье.
Ирий небесный и дом наш земной, Волю нам дал и познание.
В ликах Всебожья себя воплотив, В Сварге святой пребывая,
Души людские в тела поместив, В круге земном замыкая.
Воля Богов, возрожденья творя, Правит незримо повсюду.
Жизнь бесконечную ведаю я. Был я. И есть я. И буду*

ПИСЬМО

Андрей лежал на диване и бездумно пялился в телевизор. Он сдал сессию за второй курс досрочно, и уже сегодня, двадцать пятого мая, туристическая тропа вела бы его и подружку Марту на место стоянки у красивейшего озера под названием Глубокое. Они уже отдыхали там год назад и были в восторге от озёрной красоты, от песчаного берега и берёзового леса, от утреннего тумана и пения невидимых пичужек.

Сутки назад они поссорились – с Мартой – по сугубо принципиальным взглядам на кое-какие антиморальные поступки: девушка ни с того, ни с сего стала употреблять слова нетрадиционной лексики, а попросту – материться. Сначала Андрей укоризненно взглядывал на неё и кривил губы, давая понять своё неодобрение, но вчера не выдержал.

– Марта, зачем ты это делаешь? Во-первых, ты девушка, во-вторых – студентка литературного факультета и в-третьих – мне неприятно слышать эти грубые словечки из уст любимой девушки, будущей матери моих детей.

Из трёх причин недовольства Марта заострила внимание на последнем.

– Гляди-ка, неприятно ему! Чистенький какой! Да мне по... фигу! И с чего ты взял, что я буду твоей женой? Ес-

ли ты мне уже сейчас нравоучения читаешь, что будет после свадьбы? А вдруг я курить начну?

Ошеломленный отповедью, Андрей честно вылепил:

– Пепельница мне не нужна!

– Да и пошёл ты... – фыркнула подруга и, круто развернувшись, ушла.

Уже сутки Андрей не мог объяснить происшедшие перевоплощения в поведении Марты и явно не в лучшую сторону. «Ну, ладно бы из деревенских была, а то ведь городская, к тому же будущая журналистка» – рассуждал парень. Почему-то ему представлялось, что в деревне матерящиеся девушки – это норма.

– Андрюша, ты чего валяешься среди бела дня? Спишь что ли? – подошла к дивану мать, совсем ещё молодая женщина – сорока нет.

Она родила сына в восемнадцать лет, не успев выйти замуж: отец ребёнка, катаясь на лыжах, провалился в глубокую полынью, долго в ней бултыхался, сумел выбраться, но подхватил жестокую двустороннюю пневмонию и буквально сгорел за неделю. Похоронив жениха и родив сына, мать второго мужа даже не пыталась искать, однолюбкой оказалась, хотя сватались многие, и отчество сыну своё дала.

– Ты чего не отвечаешь?

– Не сплю я, мам...

– Квёлый ты какой-то. Из-за зазнобы, небось? Ну, что поделать? – заболела дивчина, со всяким случается. Выздоро-

веет, и пойдёте на своё озеро.

Андрей матери о ссоре с Мартой не сказал, на ходу придумав болезнь и посему – отставку турпохода.

– Ты сходи-ка за почтой, сын, а то у меня руки в тесте, пироги затеяла. Сходишь?

– Конечно. Чего не сходить? А ты пирог с какой начинкой печь будешь?

– Догадайся с трёх раз...

– А вот с первого узнаю! Спорим? Капуста с грибами. Угадал?

– Угадал, угадал, – засмеялась довольно мать: вкусы своего обожаемого сыночка она знала с самого детства.

Неважнецкое настроение сразу спряталось за диван, а Андрей побежал на второй этаж, где в ряд расположились почтовые ящики. В подъезде было душно и пыльно. Поздоровавшись с соседкой по лестничной площадке тётей Катей, поднимающейся с двумя тяжёлыми сумками, он бесцеремонно эти сумки отобрал.

– Тётъ Катъ, вы поднимайтесь, я только почту посмотрю и сумки вам доставлю прямо в квартиру.

– Ах, до чего ж ты, Андрюха, мальчишка хороший. Счастлива та девка, что за тебя замуж пойдёт! Мне бы скинуть годочков тридцать, никому бы тебя не отдала!

Не успела она дойти до двери собственной квартиры, как Андрей, зажав под мышкой газету, какие-то рекламные проспекты и письмо, уже ставил сумки у порога.

– Спасибо, мой дорогой. Дай поцелую в щёчку, – потянулась соседка к лицу покрасневшего парня.

– Вот ещё, нежности... – отстранился тот.

– Тогда возьми яблочко, – не обиделась тётя Катя, – смотри, какое красивое краснобокое – кубанское. Для здоровья полезительное.

– Яблочко возьму. Спасибо, тётя Катя.

– И хорошо, и прекрасно. Маме привет передай, пусть вечером зайдёт – чайку попью.

– Спасибо, передам. Она как раз к чаю пироги печёт.

Довольные друг другом, соседи разошлись по квартирам.

– Мам, – крикнул из прихожей Андрей, – тебе письмо.

– Да что ты! И от кого же, интересно? Давненько никто не писал. Открывай скорее, читай...

Руки матери ловко мяли тесто, живя своей особой жизнью – пироги не требовали скорости и пренебрежения: иначе не получатся. Любопытная материна голова повернулась к сыну.

– От Афанасьевой Ф. Кто это, мам? Фамилия наша.

– Ты читай, читай, узнаем...

– «Здравствуй, Маша! Пишу тебе я, тётка твоя по матери, Феклинья Яковлевна. Я жива, но не здорова: спина отказала намедни. Картоху весной помог посадить сосед Емеля, да вот незадача, ногу сломал третьего дня. А пришла пора полоть сорняки. Ты бы помогла мне, племянница, а? Приезжай, поживёшь в деревне, подышишь духмяным воздухом.

Жду тебя. Адрес нашла на старом письме сеструхи. Остаюсь. Тётя Фёкла. Писала 20 мая».

– Мама, а кто это тётя Фёкла? Имя какое древнее.

– Сестра это мамина, старшая. Лет пятнадцать у них разница в возрасте. Адресовано мне?

– Тебе. А почему мы с ней не знаемся?

– Давняя это история, сынок. Я и сама толком ничего не знаю, маме моей по каким-то причинам пришлось уйти из семьи, уехать. Она мне никогда ни о чём не рассказывала. Подозреваю, что не простили ей её беременность родители. Нравы раньше в деревне были ой какие суровые... Она написала тёте Фёкле письмо, когда я родилась, но ответа не получила. Раз тётка письмо сохранила, значит, жалела маму. А вот прабабка твоя с прадедом, знать, запретили ей ответ писать. Мама очень тепло отзывалась о сестре, няней называла. Видимо, тётя не знает, что мама умерла.

– И что теперь?

– А теперь, мой дорогой сын, придётся ехать тебе, мне второй раз за год отпуск никто не даст, даже за свой счёт. А тебе полезно узнать, как народ в деревне живёт, чем дышит, чем на жизнь зарабатывает. Узнаешь, как картоха растёт, огурчики, помидорчики. Воздухом духмяным подышишь. А то, смотрю, в диване уже пролежни наметились. Собирайся, завтра и поедешь

– А ты знаешь, мама, мне уже и самому интересно. Возьму с собой ноут, мобильный, пару трусов-футболок, много

носков и покачу...

– Сомневаюсь, что вся аппаратура тебе понадобится. А вдруг там ещё при керосиновых лампах живут?

– Да ну-у-у, скажешь тоже!.. Кстати, тётя Катя тебя вечером на чай звала и просила, чтобы ты кусок пирога с собой захватила.

НЕЖДАН

– Скажите, пожалуйста, – обратился Андрей к женщине, сидящей в привокзальной кассе, когда вышел из автобуса, – как мне добраться до деревни Обуховка? Туда какой-нибудь транспорт ходит – автобус, такси?

– Ходит, милый, ходит, – протянула кассирша. – Походи по площади, как телегу увидишь, так и доедешь.

– Телегу? – растерялся Андрей.

– Ну, да, – засмеялась та, глядя на изумлённое выражение его лица. – Ни разу телегу не видел что ли?

– Видел... на картинке.

– Ха-ха-ха! Ой, парень, ну, уморил! Ха-ха-ха! Давно так не смеялась – хлопала себя по коленям тётка.

Андрей поспешил отойти от кассы: вдруг ещё кто будет свидетелем его конфуза. А смех кассирши ещё долго доносился из окошечка. Андрей был уверен, что ей на целый день хватит пищи для анекдота и весёлого смеха. Вот влип...

Неподалёку на скамейке сидел молодой парень и обедал. Он ел с таким аппетитом, что у Андрея, с самого вечера ничего не евшего, рот невольно наполнился слюной. А всего-то и было, что литровая бутылка молока и огромная краюха хлеба. Парень, видимо, уловил голодный взгляд незнакомца.

– Брат, – крикнул он, – подсаживайся, перекусим.

Андрей поспешил к скамье – чего отказываться, если предлагают? Тем более, что киоск был закрыт на перерыв до шестнадцати часов, о чём сообщалось на клочке бумаги в клеточку, скотчем приклеенном к стеклу.

– Ничего, что из горлышка? Стакана нет. – Парень протянул бутылку и кусок хлеба Андрею.

– Нормально, я не брезгливый.

Жуя хлеб и запивая его молоком, Андрей понимал, что не произнесёт ни слова, пока не насытится.

– Слушай, – проглотив последний кусочек хлеба и кинув крошки с ладони в рот, обратился он к улыбающемуся пареньку, – а где такой вкусный хлеб продают? И молоко странное на вкус, я такого никогда не пил. Честно скажу: так вкусно я ещё не ел, даже у мамы... Ой, прости, я всё съел, тебе ни кусочка не оставил.

Парень в ответ так весело рассмеялся, что Андрей невольно подумал: «Куда я попал? Что ни скажу, что ни спрошу – всем весело».

– А ты почему смеёшься? Я какую-то глупость сморозил?

– Что ты, брат, я просто радуюсь тому, что ты, по всему виду, глубоко городской парень, только что испробовал настоящую живую пищу. Молочко коровка Марта дала, хлебушек маманя вчера испекла в печи.

Надо же! Корову Мартой назвали! Сразу вспомнилась подруга. Интересно, корова тоже бодучая? Впрочем, молоко

густое и жёлтое – вкусное – значит, не бодливая.

– Спасибо, друг, не дал помереть, – протянул парню руку Андрей. – Меня Андреем зовут. Будем знакомы.

– Неждан я, – замялся парень, но руку пожал.

«Какое странное имя», – подумал Андрей и только теперь обратил внимание на одежду нового знакомого.

Белая рубаша, вышитая по вороту и груди, светлые штаны заправлены в мягкие коричневые сапожки.

– Скажи, Неждан, а какой ныне на дворе год?

– Ну, парень, это ты скажи, из какого времени вывалился. Конец мая сейчас две тысячи пятнадцатого года по новому летоисчислению.

– Фу, слава Богу, а то я думал, что во времени заблудился, в славянскую Русь попал. С самого утра всяческие неожиданности. А по старому летоисчислению?

– Семь тысяч пятьсот двадцать четыре года от сотворения Мира.

Неждан улыбнулся и спросил:

– А ты сам-то куда?

– В Обуховку мне надо, к двоюродной бабушке.

– Бабушку как зовут?

– Феклинья Яковлевна.

– Понятно. Знаю такую. Она в деревне живёт, одинокая и пожилая.

– Старенькая уже, семьдесят три года. Написала, что спину прихватило. Вот еду к ней на помощь. Всё равно канику-

лы, в городе делать нечего.

– Ну, тогда поехали, – встал со скамьи Неждан. – Буланый уже готов везти нас в Обуховку.

И как это он, Андрей, не заметил впряжённого в самую настоящую телегу мощного тяжеловоза с длинной густой гривой? Родившись в 1995 году, он

уже не застал гужевой транспорт и поэтому с величайшим любопытством разглядывал то, на чём и на ком ему предстоит добираться до бабки Фёклы.

Сели. Неждан с левой стороны, Андрей с правой.

– Н-но, поехали, – дал команду Буланке водитель телеги и слегка стукнул вожжами по крупу коня. Умная животина свернула от вокзальчика и рысью побежала по грунтовой дороге в сторону виднеющейся дубравы.

– А ты что, тоже в Обуховке живёшь?

– Да как тебе сказать... Почти, в километре от самой деревни. Да ты сам увидишь, можешь даже в гости заглянуть. Только не днём, после вечера. Днём-то у нас все делом заняты, не до праздности.

– Хорошо, я приду, если приглашаешь, не с бабушкой же мне вечера коротать.

Дорога шла посеред дубравы. Совсем молоденькие берёзки, дубки по краям и взрослые деревья создавали полумрак и прохладу. Совсем не трясло, как ожидал Андрей, камней практически не было – прошлогодняя листва покрывала полностью дороги.

– Неждан, прости за любопытство, а почему у тебя имя такое необычное?

– Это совсем просто: у нас, славян, как у всех, имя даётся при рождении. Нежданом меня назвал дед, потому что я родился неожиданно. Мама всё забеременеть не могла, понесла меня только на третий год замужества. Так и получился – Неждан. Второе имя мне дали при имянаречении в двенадцать лет. Оно тайное. А это просто оставили.

– Я не пойму, а зачем имя в тайне держать?

– Ты, я вижу, совсем неграмотный. Мало ли для чего и кому моё имя понадобится: порчу наведут, наколдуют на болезнь или на смерть – тьфу, тьфу! – недоброе слово скажут в недобрый час. А так – Неждан да Неждан – все напасти мимо пройдут.

– А ты сам знаешь своё настоящее имя?

– Конечно. Родители и Жрец знают. Ну, и самые близкие люди могут знать, которым я безоговорочно доверяю. Но их по пальчикам перечислить можно. Славянин ни под каким видом не должен говорить: «Я – такой-то». Хотя в современных обрядах имя не хранится в тайне. Человек должен на него естественным образом откликаться. Говорят, имя должно быть в ходу, тогда оно по-настоящему внедряется в человека. Наш Жрец Велимор сторонник явного имени. Он говорит: «Что толку в нём, если человек его имеет, а деяния совершает от другого имени?» Он сравнивает это с инструментом, который имеешь, но не пользуешься им. Мой

дед категорически против того, чтобы обнародовать моё второе имя, и я с ним согласен. Как я могу быть уверенным, что вот ты, например, заслуживаешь доверия?

– Но в еде ты мне не отказал.

– А разве ты отказал бы мне, если бы я был голоден?

Андрей задумался. Ему никогда бы в голову не пришло приглядеться к человеку, хочет тот есть или нет. Суета города приучила не смотреть по сторонам: люди зачерствели и оравнодушились.

– Чего молчишь?

– Я не знаю, – честно признался Андрей, – я бы просто не заметил.

– До чего ж вы дожили, ничего славянского в вас не осталось... Тпру, шальный! – остановил Буланого Неждан, – Ты чего спотыкаешься?

Он спрыгнул с телеги и со словами «подержи вожжи» пошёл проверить, что же так испугало коня. А у Андрея в голове всё перемешалось: славяне, Старейшина, Жрец, тайное имя...

– Держи его, держи!!! – раздался крик спутника так, что коняга засучил ногами.

– Зайчишка напугал Буланку, – запрыгнул Неждан на край телеги. – Видел?

– Нет, не видел.

– Понятно... природа тебе пока чужда.

– Ты, Неждан, всю дорогу говоришь: «Славяне, не сла-

вяне». Ты что имеешь ввиду? Я говорю по-русски, ты говоришь по-русски, и тут же ты себя противопоставляешь мне. Это как?

– Вот там, на вокзале, ты сказал: «Слава Богу». Ты о каком Боге говорил?

– Не знаю. Иисуса Христа, наверное. Мы как-то особого значения этим словам не придаём. Для связки что ли...

– Вот именно: не придаёте. Так какой же ты славянин? Ты просто русский. Ты знаешь только одного Бога, силой навязанного росам князем Владимиром. Иисус кто? – сын человеческий. Разве может человек быть богом? Человек – дитя Природы-матушки, а природой управляют Боги, у каждой стихии – свой.

– Ты язычник что ли?

– По нашему я – родновер. А язычниками нас называют служители христианской веры.

Впереди просветлело.

– Вот и приехали. Сейчас наши пути разойдутся. Мне направо, а тебе – прямо. Тут недалеко, с версту будет. Или подвести?

– Спасибо, не надо. Пройдусь я пешочком. Ноги затекли с непривычки. Спасибо тебе, друг.

– Ну, как знаешь. Коли не устал, приходи сегодня вечером. Не буду лукавить: понравился ты мне честностью своей и любознательностью, иначе бы не стал звать к себе в общину. Но, Буланка!

Неждан покати́л дальше, а Андрей остано́вился у столба, та́блица на кото́ром зна́комила пу́тника с выбо́ром пу́ти: «П́рямо пойдёшь – в дере́вню Обу́ховка по́падёшь. На́право пойдёшь – в ро́довую о́бщину „Сла́вия“ забре́дёшь» – как в сказке.

Андрей на́правился п́рямо, в Обу́ховку, к ба́бушке Фё́кле.

****3****

ФЕКЛИНЬЯ ЯКОВЛЕВНА

– Ты чей же такой ладный парень будешь? – встретила Андрея на пороге своего дома родственница Феклинья Яковлевна, не ответив на его «здравствуйте».

– Внук ваш, наверное.

– Внуков у меня нет, потому как детей никогда не было – не довелось.

– Тогда не знаю.

– Чей будешь?

– Я сын Марии. Андреем зовут. А бабушку мою Анастасией звали. Умерла она год назад. Болела сильно – рак.

– Внучатый племянник, значит, – определила Фёкла. Известие о смерти сестры её почему-то не удивило. – Проходи в горницу, родственничек. Умерла, говоришь, сестра, – обычно произнесла она, – царствие ей небесное. Все мы там будем... А племянница чего ж не приехала?

– Работает. Отпуск у неё неделю назад закончился. В больнице медсестёр не хватает, её главврач не отпустил. Меня в помощь прислала. Привет она передала и здоровья пожелала. Вот, подарки прислала...

Андрей вытащил из дорожной сумки полный пакет шоколадных конфет, батон копчёной колбасы, сыр и пуховую

шаль серого цвета из козьего пуха. Глаза бабушки Фёклы за-
блестели при виде шали, морщинки разгладились, голос по-
добрел.

– Благодарствую. Уважила племянница.

Она накинула на плечи шаль и ладненько поворотилась
перед внуком.

– Как я тебе гляжусь в платке?

– Красивая...

– Кто? – остановилась старушка. – Я или платок?

– Причём здесь шаль? Конечно, ты, бабуля! – очень ис-
кренне ответил Андрей. – Я и не подозревал, что ты такая
молодая. Ожидал встретить ворчливую старуху, так боялся,
а тебя ещё можно замуж отдавать!

– Сватается тут один уж какой год, – стыдливо призналась
Фёклинья Яковлевна, – но я решила поломаться немного.
Как ты думаешь, не убежит он к другой бабке, если я сильно
выпендриваться буду?

– Не знаю, как он, а я бы век ждал! – подмигнул Андрей.

Бабушка озорно моргнула в ответ, оба расхохотались –
знакомство состоялось.

– Пойдём полдничать, – пригласила внука на кухню Фёк-
ла, – с дороги, чай, проголодался.

Она скоро нарезала сыр и колбасу, положила конфе-
ты в стеклянную вазочку, в глиняную мисочку налила мёд
и сняла полотенце со свежеиспечённого каравая.

– Андрюша, помоги, – уже из сенец донёсся её голос.

Андрей кинулся на подмогу: огромный ведёрный самовар, сверкающий медными начищенными боками, бабуле был не под силу.

– Вот дожилась, уже самовар поднять не могу. А ведь ещё месяц назад дружба у нас с ним обоюдная была, – ворчала она, семеня вслед за Андреем.

– И зачем тебе столько кипятка зараз? Купила бы «Тэфаль» литровый...

Крякнув, внук поставил пузача на стол.

– Это кто же научился литровые самоварчики изготавливать? – удивилась бабуля.

– Нет, это электрический чайник такой, пластмассовый.

– Пластмассовый? А вода в нём вонючая? Ты попробуй чаёк из моего самоварчика, со смородиновым листом, с сушёной малинкой. Живица, а не чай. Придумали – пластмассовый чай! Тьфу!

Феклинья Яковлевна пила самоварный чай из блюдца с привезёнными конфетами, шумно втягивая в себя глоток за глотком. Андрей же макал пахучий хлеб в мисочку с мёдом, оставив горячий чай остывать.

– Ты, внучек, где спать думаешь?

– Бабушка Фёкла, поясни свой вопрос, пожалуйста.

– Я тебя спрашиваю: спать будешь в горнице или на сеновале?

– А ты в моём возрасте где бы спала?

– Ну, ты спросил! Ясен день – на сеновале. Там воздух,

там пахнет луговым сеном, там комары спать не дают – мечтать разрешают!

– И я хочу попробовать. В книжках читал только, да какой-то доктор по телевизору советовал спать на соломенных или травяных тюфяках – помогает при болях в спине. Во, кстати, у тебя спина болит – давай я тебе в матрасовку сена набью – боль вытянет. А ещё лучше, молодой папоротник, тоже помогает. Сделаем?

– Ой, сделаем, обязательно сделаем. Сплю на пуховой перине – все косточки болят, мочи нет.

– Да ты совсем, как принцесса на горошине, – засмеялся Андрей.

– И не говори, дорогой, так и кажется, что в перину мне кто-то гороху напихал...

– Бабуль, я наелся, спасибо тебе. Ты скажи, что сделать, я сделаю, а потом и за твою соломенную перину возьмусь.

– Значит, так: воды из колодца надобно принести домой в кадушку и в баню, лучинок наколоть – дрова в поленнице – к печке, что во дворе под навесом, принесёшь. На сегодня, вроде, всё. А завтра я тебя раненько подниму, часов в пять, пока солнышко прохладное. Пойдём на огород картоху от травы спасать.

– Так рано я ещё не вставал, сам не проснусь. Ты разбуди меня, пожалуйста.

– Не беспокойся. Будильник у тебя внизу громкий. Пётр Петрович ни одного часа с трёх не пропустит.

– Сосед что ли?

– Пётр Петрович-то? Нет, домашний петух, родной.

«Ох, ты ж, опять влип!.. И какой мне поход в гости? – подумал Андрей. – Прогуляю и просплю утром. Вот перед бабкой оконфузюсь. Лягу пораньше, в один час с Петром Петровичем».

– Бабушка, а где у тебя вода течёт? Покажи фронт работы.

– Да во дворе же колодезь стоит, там и водичка. Ведёрко в сенях стоит, на полке.

Через десять минут, не дождавшись внука с водой, Феклинья Яковлевна выглянула в окно и увидела, как тот ходит вокруг колодезного сруба, заглядывает в него и чешет затылок.

– Ах ты, Господи, что значит – городской-цивилизованный! Будет сидеть возле воды, а от жажды засохнет! – воскликнула она и поспешила во двор.

– Ты чего круги вьёшь, затылок чешешь? – ехидно поинтересовалась она.

– Думаю. Задачу решаю: как спустить лестницу в колодезь, чтобы штаны не намочить и воды набрать...

– А чтоб штаны не намочить, их надо снять....

– Правда? Или ты шутишь? Ты же юбку не снимаешь...

– Дурень и есть дурень! Журавель зачем?

– Какой журавель? Причём здесь журавель?

– Журавель точно ни при чём. Ты знаешь, чем отличается дворняжка от породистой собаки? – упёрла бабка руки в бока.

– Знаю. Дворняга живёт на улице, а породистая в доме.

– Соображаешь. Поворотись назад. Что видишь?

– Дрыну какую-то. Для чего она?

– Сам ты дрына! Это и есть журавель. Видишь на конце шеста верёвку с карабинчиком? Замкни дужку ведра. Так... молодец! А теперь опускай ведро в колодезь... руками-то шест перебирай. Опустил? Теперь дави шестом на край ведра и зачерпывай воду... вытягивай шест. Осторожно, не плескай. Отстёгивай ведро... да не на земле, а на краю сруба... во! Неси водичку в дом. Усёк? Тренируйся, внучек, превращайся из породистого в дворового. А щепочек на растопку я сама наколю, а то, неровен час, пальцы порубаешь. Потом научишься... Помощничек, называется, приехал! – забубнила себе под нос бабка, идя с топориком к поленнице и держась за поясницу.

Через некоторое время «помощничек» довольно ловко научился управляться с журавелем – ёмкости дома и в бане были наполнены водой до краёв.

Очень довольный собой, Андрей полез на сеновал, осмотрелся: внушительная куча прошлогоднего сена, не потерявшего пахучести, лежала в углу. Знать, крыша не протекает.

– Бабушка Феклуша, – высунул из дверцы голову Андрей, матрасовку сеном набивать? Твоей спинке удобно спать будет. Молодость вспомнишь от запаха духмяного...

– Фулюган ты, Андрюшка, – шла к лестнице бабка, держа в руках небольшую наволочку. – Вот сюда натолкай мне су-

хой травки.

– Что так мало?

– А хватит мне. Я к пояснице привяжу и спать улягусь. Проверим твой рецепт. Хотя, помнится, мои дед с бабушкой на соломенных тюфяках спали – бабушка точно за поясницу не держалась никогда. Не иначе, тот дохтор в телевизере, сам на соломе спит, раз советы даёт. Чего смеёшься? Знамо – спит...

– Ой, бабуля, ты меня насмешила!.. А мне без подушки спать?

– Слазь. Дам тебе подушку и два солдатских одеяла. На одном будешь спать, вторым укрываться – ночи ещё прохладные... Ну, родственник, пойдём вечерять, я кашу пшённую сварила с топлёным маслом.

За ужином, уплетая кашу, обильно политую сливочным маслом, Андрей спросил:

– У вас почта есть? Мне маме позвонить надо, что добрался благополучно, а то волноваться будет. Мобильной связи у вас, я проверил, ещё нет. Жалко, а то поговорили бы напрямую. Я тебе потом фотографии покажу, где мы живём, и маму мою, и бабушку Настю...

– Почта есть, позвонить можно. Ты что же, альбом привёз?

– Нет, в ноуте и в телефоне фотографии.

– Скажи, а бабушка Анастасия замужем была?

– Ну что ты! Она одна маму растила, уборщицей в боль-

нице работала, потом няней в детском доме. Добрая была. Её и больные, и дети любили. Тепло от неё особенное шло, вот к ней все и липли...

Феклинья Яковлевна надолго замолчала. О чём она вспоминала? Что за семейная тайна мучила её? Андрей очень надеялся разговорить сестру своей покойной бабы Насти, которая никогда о своих родственниках не желала рассказывать. Андрей смотрел на бабу Фёклу и искал в ней черты бабы Насти. Нет, совсем не похожи...

– А я в гости сегодня не пошёл, – объявил он вслух.

– Не успел приехать, а уже друзей завёл! – удивилась Фёкла.

– Неждан меня в гости звал, из общины.

– А, Неждан. Хороший паренёк, знаю я его. Он сын кузнеца. Иногда привозит к нам в Обуховку кованые оградки по заказу. Вот отдохнёшь сегодня с дороги да с непривычной обстановки и сходишь. В общине дурному не научат... Одеjala с подушкой на лавке возьми, я приготовила. Спать пора, стемнело уже. В деревне люди с солнышком ложатся, с солнышком встают.

Пожелав двоюродной бабушке спокойной ночи и приятных снов, Андрей уже через полчаса крепко спал – и вправду свежий воздух и запах сена, хоть и прошлогоднего, имели особые целебные свойства.

ОГОРОДНЫЕ ПРЕМУДРОСТИ

Пётр Петрович своё зерно отработывал добросовестно: с трёх часов каждые полчаса он предупреждал, что Солнышко уже встало. В половине шестого утра Андрей слез с сеновала. Как ни странно, но он выспался, был бодр и в преотличнейшем настроении, а потому решил осмотреться. Зайдя в сараюшку, он увидел стоящий в углу огородный инвентарь. Выбрав каждый по одному, он вынес его во двор. На крыльце показалась Феклинья Яковлевна. Она несла в миске пшено для гарема Петра Петровича.

– Цып-цып-цып, – позвала она курочек. – Петруша, веди своих подружек завтракать.

Петух, гордый своим разноцветным оперением и властью, важной неспешной поступью направился к кормушке. За ним гуськом вышагивали штук девять курочек.

– Андрюха, подъём! – Крикнула бабка в сторону сеновала.

– Бабушка, я уже встал и до ветру сходил, – раздался голос внука над её ухом.

– Тьфу! Анчутка тебя забери! – во сердцах ляпнула Фёкла, не ожидая появления Андрея. – До инфаркта чуть не дошёл!

– Прости, бабушка. Я думал, ты меня видела – больше так

не буду. Я вот тут инструмент вынес – ты мне скажи, что из них что.

Бабка даже не нашлась, что сказать, только укоризненно покачала головой и стала перечислять:

– Вот это – вилы. Они нужны при сборе сена, при копке картофеля. Вилами же крестьяне в 1812 году гнали Наполеона с русской земли. Грабли – ими собирают мусор, старые листья, а также сгребают сено. Если ты неправильно их поставишь или положишь, они могут пребольно стукнуть тебя по лбу...

– А как надо правильно?

– Зубьями к стене или на землю.

– Понял...

– Это – тяпка – ею пропалывают траву на грядках, делают канавки, формируют грядки, окучивают картофель. Сегодня я покажу тебе принцип работы тяпки. Вся остальная мелочь: грабельки, тяпочки, лопаточки, рыхлители – для грядок. Но поскольку это женский инструмент, тебя он не касается... Пойдём завтракать – яишенку с салом и лучком приготовила. Ты умылся?

– Нет ещё, не успел.

– Умывайся, а я стол накрою.

Картофельные грядки у бабы Фёклы занимают всего три сотки, остальные две заняты плодовыми деревьями, кустарниками и небольшими грядками под лук, морковь, чеснок да капусту со свёклой.

Ох, и досталось же этим утром Андрею от неё и за «косо-рукие руки», и за «пижона». Она ни за что не хотела принимать во внимание Андриюшкино городское происхождение.

– Я же тебе показываю, а ты почему не видишь? – ругалась Фёкла.

– Я вижу, но руками землю пока не чувствую. Вот чего ты на меня кричишь, а? Я же не на земле родился, а на асфальте! Но я торжественно обещаю, что к середине августа ты превратишь меня в природного пахаря!

– Андриюшка, а ты что, правда у меня до августа останешься? – с недоверием глянула бабка.

– Правда! Твоя яичница мне очень понравилась!

– Ах, ты шутник! – взмахнула рукой старушка. – И то верно: ты заканчивай грядку, а я пойду похлёбку варить.

Поладили бабушка с внучатым племянником. Феклинья Яковлевна светилась от удовольствия: есть, кого учить, ругать, а главное – кормить. Во время обеденной трапезы Андрей признался:

– У меня такое чувство, что я жил в деревне когда-то, только всё забыл.

– А как же, память предков. Ты ж только во втором поколении городской, а по духу наш, деревенский, – утвердительно кивнула баба Фёкла.

– Спасибо, я наелся до отвала. Давай посуду помою.

– Что ты, что ты! – замахала руками Фёкла, – не мужицкое это дело, сама помою.

– Тогда я побежал на почту, маме звонить. В какую сторону идти?

– А как на дорогу выйдешь, всё прямо, там дальше спросишь. Маме привет передай. Скажи ей, что ты мне понравился.

– Я ей скажу, что ты мне тоже понравилась. А ещё скажу, что женюсь только на такой, как ты, на настоящей доброй, ворчливой и умной.

– Ой, хитрее-е-ец! – протянула умная бабушка, с неподдельной любовью глядя вслед Андрею.

«Какой же я хитрый? Я справедливый, – думал Андрей. – А бабушка оказалась, действительно, непростой – грамотная, мудрая, простая – совсем не такая, какой я её ожидал увидеть: чуть ли не маразматичкой. Вот дурень!»

ЖИЗНЬ-СУДЬБИНУШКА

В этот самый момент старая женщина мыла посуду и вспоминала свою жизнь-судьбинушку.

Не довелось Феклуше иметь мужа. Родилась она в семье деревенского мельника Якова и его жены Александры зимой тысяча девятьсот сорок второго года, когда отец уже воевал. Голодные военные она знала только по скучным рассказам матери, рассказывающей, что до трёх лет дочь ходить не могла, до того была истощённой. Отец вернулся весной сорок шестого – довелось ему побывать и на Дальнем Востоке, бить японских самураев. Дома, хмуро глянув на девчужку, только и сказал:

– Заморыш... толку с неё не будет никакого.

И всё. Больше он дочь не замечал, чужая она ему была. Феклуша отца боялась и не любила, старалась не попадаться ему на глаза. Когда в пятьдесят седьмом году родилась Настенька, Фёкла была по деревенским меркам уже девушкой. Ей пришлось нянчить сестрёнку до пятилетнего возраста: мать работала дояркой в колхозе, уходила на ферму засветло и приходила домой затемно, хватало сил только, чтобы раздеться и поесть. Всё домашнее хозяйство лежало на плечах хрупкой старшей дочери. Настюшка в сестре души не чаяла,

ходила за нею по пятам, звала нянюшкой и украдкой подсовывала карамельки-подушечки, которыми угощал её отец.

Вся жизнь Фёклы прошла в Обуховке. Парней сверстников почти не осталось: кто умер в войну, кто подорвался на гранатах в лесу после войны, кто уехал в город на заработки да там и остался. Так вековухей и прожила. Правда, отец попытался было отдать её замуж за вдовца с семью детьми, но тут впервые дочь встала на дыбы, пообещав родителям покончить жизнь самоубийством.

Настеньке было семнадцать, когда она по секрету сообщила сестре, что влюблена в соседского паренька Алёшку, а ещё через три месяца о том, что носит под сердцем его ребёночка. У Феклины сердце зашло от страха.

– Настя, сестрёнка моя дорогая, что же ты наделала? Прибьёт же папаня и тебя, и Алёшку.

– А мы убежим, в город убежим, не найдут нас... Люблю я его, Феклушка, так сильно, что никакой папаня мне не страшен.

В шесть месяцев беременность скрывать было уже нельзя. Фёкла помнит налившиеся кровью отцовы глаза, в ярости перекошенный рот и появившиеся в его руках вожжи. Помнит она и жгучую боль от этих самых вожжей на своём теле, когда прикрыла младшенькую, крикнув: «Беги, Настя!» Уже поздно ночью, дождавшись пьяного храпа отца, она вынесла ждавшей её за калиткой Анастасии чемодан, куда сложила кое-какие пожитки, сунула ей в карман завёрнутые в тряпоч-

ку свои небогатые денежные сбережения и отправилась добираться в город, перекрестив вслед.

А Алёшка вскорости сгинул. Просто сгинул, и никто его больше никогда не видел. Месяц всего-то поискали. Была у Фёклы тайная надежда, что нашёл он сестрёнку в городе, но вишь ты, не было у неё мужа.

Сообщение о рождении внучки получила мать. Она в ключья разорвала письмо, и кинула их к печи. Феклуша собрала все и ночью при свете свечи сложила письмо, прочла, порадовалась, мысленно пожелала обоим здоровья и снова бросила клочки к печке. Вот только кусочек конверта с обратным адресом запрятала далеко в укромное местечко, надеясь, что Настя не сменит его никогда. Отвечать не стала – мать пригрозила: «Будешь общаться с сестрой – прокляну».

Терпение её вознаградилось сегодня внуком Настасьишки Андреем, которого встретила настороженно, надо честно признать. Но до чего же открытый и хороший парень получился! Заботливый, внимательный, ласковый. Как только скажет «бабулечка», так сразу сердечко у Фёклы замирает – что ни говори, а ведь кровиночка. Настенька всегда в душе Фёклы жила. Сообщение о смерти сестры её не удивило: она об этом знала – приснилась ей Анастасия, попрощаться пришла. Отвела Феклинья поминки во все положенные сроки и, видимо, утрата не прошла даром: на нервной почве кости заболели. Да-а-а, жизнь такая сложная штука...

Грустные мысли пожилой женщины прервал возвратившийся Андрей.

– Баба Феклуша, я пришёл. Ты скучала без меня?

– А то как же! Я теперь без тебя всегда скучать буду. Ты молочка бы попил, соседская девчужка принесла от утреннего надоя. Ещё и пенка не осела.

– Обязательно попью. Тебе мама большой привет передала. Беспокоится о здоровье, пообещала поработать сверхурочно, чтобы в августе приехать, тебе укольчики поставить от хондроза. Кстати, как ты спала на соломенной подушке?

– Сначала крутилась, уснуть не могла, а потом сказала себе: «Надо!» и сразу уснула... Спасибо Машеньке за «привет» и заботу. Пусть приезжает. Побудет недельку, смотришь, на следующий год отпуск в деревне проведёт. Здесь лучше, чем на курорте. Согласен?

– Мне не с чем сравнивать, я на курорте ни разу не был. Что-то ещё делать будем?

– Нет, Андрюшенька, на сегодня ничего. Ты отдохни, а то с непривычки все мышцы завтра болеть будут.

– Правда?

– Ещё как! Утром проверишь.

– Тогда сегодня можно мне к Неждану сходить? Обещал я...

– Раз обещал, слово держать надо. До вечера-то отдохни. И я прилягу. Тебе на ужин что приготовить?

– Я не прихотлив. Готовь то, что привыкла, особо на ме-

ня не оглядывайся. Бабуля, у тебя всё вкусно, ты даже не сомневайся. Во, забыл: я тебе под блюдце с мёдом денежки положил, ты возьми.

– Ты чего это удумал, а? Ты мне кто – чужой, квартирант? Да разве ж я тебя не прокормлю? Не возьму! – обиженно поджала губы Фёкла.

– А это не тебе! – хитро прищурился внук.

– А... кому? – растерялась бабка.

– Петру Петровичу с гаремом на пшено. – засмеялся Андрей и, чмокнув ошеломлённую бабушку в щёку, удалился на сеновал. Он уснул сразу же: непривычный ранний подъём, физическая нагрузка – всё отразилось на нежных мышцах городского парня...

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В СЛАВИЮ

– Андрюшка!!! Обещанку проспишь!! Ужинать пора!

– Иду-иду! – отозвался Андрей.

– Ты, внук, долго не засиживайся в общине, – говорила Фёкла за ужином, – завтра доделаем огород, а потом баньку затопим, пот с себя трудовой смоем. Ты не против?

– Я не против. Ты меня научишь баньку топить?

– Хитрое ли дело! Ты враз научишься. Гляжу на тебя: толковый ты парень, даром, что городской. С лёту всё схватываешь! Ты на кого учишься-то?

– На учителя русского языка.

– Ух ты! Учёный, значит. Учитель на селе очень уважаемый человек. Ты вот и не куришь, и не ругаешься непотребно... Может, директором к нам приедешь... Я тебя подучу немного хозяйству – нашим деревенским оболтусам словесную да хозяйственную науки будешь передавать. Чего ты смеёшься, а? Вот чего смеёшься? Кто ты будешь в городе? – один из многих. А здесь – один из всех. Разницу чувствуешь? Ты не отмахивайся, а прислушивайся. Решать потом будешь. Сколь тебе ещё учиться?

– Три года.

– О, за это время ума наберёшься. А я тебя подожду, по-

мирать не буду. Теперь у меня есть, ради кого жить. А там и Маньку в деревню перетянем. Смотришь, мужа себе найдёт. В городе-то суета-сует, разве приглядишься к кому, а здесь все на виду. У нас есть хорошие мужики. Годков ей сколько?

– Тридцать восемь полных...

– И верно, чего это я запомнила... Ты поел? Чай будешь?

– Нет, не буду, спасибо. Далеко до общины?

– Километра полтора будет. Минут за двадцать дойдёшь.

– Ты меня не жди, отдохнуть ложись. Я не буду задерживаться – дорога незнакомая, заблужусь ещё. Ты скучать не будешь?

– Не буду, привычная я. Завтра расскажешь, как ходил.

– Тогда я побежал?

– Да иди ужо, иди!

– А насчёт переезда я подумаю... – и убежал.

– Как же – не жди! Разве усну, не дождавшись? Мне вот даже в радость – ждать... Поживём ещё, а, старушка? Теперь есть смысл в том, чтобы жить...

– Эй, малец! – окликнул Андрей босоногого мальчонку лет восьми в долгополой белой расшитой рубашонке, – ты сына кузнеца, Неждана, знаешь?

Мальчишка прутиком гнал по дороге штук двадцать гу-

сей. Впереди стада шёл вожак, гогоча и вытягивая шею то влево, то вправо, угрожая всем, кто попадётся под его красные перепончатые лапки.

– Знаю. Его все знают.

– Где живёт, покажешь?

– Ты, дядька, иди, никуда не сворачивай, на окраине стоит кузня, а рядом изба, вот там семья кузнеца живёт. Гуль-гуль-гуль, – стал созывать молодых гусей мальчишка, норотивших сойти с дороги, пощипать сочную травку, – домой идите, там вас корм ждёт.

Андрей шёл по центральной, единственной дороге и разглядывал поселение. Дома стояли в беспорядке, крепкие, добротные, кое-где – в два этажа. На фасаде крыш всех строений было нарисовано Солнце, и каждое отличалось одно от другого по рисунку. Большие хозяйственные пристройки: одни дощатые, другие рубленые. Огорожены только посадки: «От собак, от коров» – решил Андрей. Зато возле каждого дома буйно росли кусты сирени, черёмухи, пушистые деревца берёзок

– Не меня ли ищешь, добрый молодец? – звонкий девичий голос отвлек парня от созерцания.

– Здравствуйте, к Неждану иду...

– А я смотрю: красивый, молодой хлопец головой вертит –

знать ищет кого-то. Уж не меня ли, думаю.

Под развесистой берёзкой стояла девушка в понёве поверх рубахи. Крупные синие клетки по всему подолу были обшиты красной тесьмой.. Она держала в руке красивую небольшую корзиночку – может, в сарай собралась за куриными яйцами, может, к соседке за молоком-творогом.

– Головой верчу – интересно мне: впервые в общине. А Неждан меня в гости позвал.

– Жаль, – притворно вздохнула девушка, – я уж решила, что суженого повстречала, – и засмеялась заливисто, открыто, совсем не обидно. – На посиделки с Нежданом приходите. Сегодня намечается перепев.

– Я скажу ему обязательно, спасибо.

Улица была пустынна. Андрей вспомнил, что это время в книжках отводилось в селе для завершения хозяйственных работ по дому: доились коровы, чистились хлевы, варился ужин – вся семья собиралась у стола.

Вот и пришёл. Кузница стояла на пригорке, огороженная невысоким кованым заборчиком. На низенькой калиточке в качестве засова служила конская подкова, что означало конец рабочего дня. Бревенчатая изба стояла метрах в десяти от кузницы. Туда и направился Андрей.

– Тихо, Буланка, стой! – услышал он голос Неждана. – Да стой ты, шалый, сейчас напою-накормлю, вот только распрягу.

Андрей пошёл на звук голоса приятеля. Сразу за домом

начинались хозяйственные постройки, там он нашёл Нежданна, освобождавшего Буланого от постромокков.

– Добрый вечер, Неждан. Ты прости, я вчера не смог прийти, – повинулся Андрей.

– И тебе не хворать, брат Андрей, – улыбнулся тот. – За что виноватишься? Никто не знает, как сложится утро, день, вечер. Мы только предполагаем, а боги нами управляют. Ты подожди немного, я друга напою, овса насыплю, гулять отправлю, а потом мы вечерять пойдём.

– А давай я тебе помогу. Говори, что надо делать. Вдвоём быстрее управимся.

– От помощи не откажусь. Ты возьми хомут, отнеси в конюшню. Там сбоку на стене крюк есть, повесь на него.

– Хомут... – почесал в затылке Андрей, – дай сообразить... вот это дуга – знаю, к ней колокольчики подвешивают... а хомут должен быть на шее... Вот это? – указал в правильном направлении Андрей.

– Он самый, – смеялся Неждан. – А ещё что-нибудь из упряжи знаешь?

– Вожжи знаю, седло знаю, удила знаю – в кино видел... Слушай, а где шлея?

– Вот шлея, она крепится на крупе коня низко под хвостом. Почему спрашиваешь?

– Да бабушка моя, Настя, на некоторые мои частые проказы говорила: «Опять шлея под хвост попала».

– Это верно: как только шлея высоко под хвост поднимет-

ся, так конь может взбрыкнуть и понести. А вот это уздечка и поводья. Если тебе интересно, я могу назвать тебе все предметы конской амуниции и даже научу запрягать. Ты как, хочешь научиться?

– Я не знаю. Боязно к коню подходить: вдруг лягнёт?

– Будешь бояться, обязательно лягнёт. Кони чувствуют человека, коней нужно любить. Ну да ничего, привыкнешь. Ты к Феклинье Яковлевне надолго?

– До середины августа планирую.

Между разговорами парни занесли упряжь в конюшню, напоили Буланого, Неждан насыпал в ясли овса. Андрей рассказывал, как ходил вокруг колодца, а Неждан заливался громким смехом.

– Давно я так не смеялся. Ты, паря, нашим не вздумай рассказать: на смех поднимут, насмеяться будут.

– Насмеяться за незнание? Так ведь можно научиться, было бы желание.

– Вот когда будешь знать, тогда и признают за своего. У нас почитают за дела, а не за слова. Вот, например, девушки наши – они без дела не сидят даже на посиделках: берут с собой кудель и прядут нити, а игры и танцы начинаются только тогда, когда кудель заканчивается...

– Извини, Неждан, перебыю тебя. А как много они берут с собой кудели? Девичий ум хитрый.

– Да? – удивился Неждан. – Я об этом как-то не подумал. Надо понаблюдать. Парни, в основном, смотрят, как

ловко девушки управляются с веретеном и как тонко получается нить. И пусть она будет красавица из красавиц, но, если за ней плетётся прозвище «непряха», замуж её никто не возьмёт.

– Странно. А вдруг у неё какие другие достоинства есть, кроме прядения, например, пироги печёт или одежду шьёт... Кстати, нас пригласили сегодня на посиделки. Какая-то девушка сказала, что сегодня намечается «перепев». Это что?

– Это просто: на круг выходят две девушки или два парня и начинают по очереди петь коротенькие песенки, сочиняя на ходу. Тему выбирают любую, что на глаз кажется.

– Частушки что ли?

– Да, частушки. Вот если ты появишься сегодня на посиделках, все песенки будут посвящены тебе. Не побоишься?

– Да я со стыда сгрю, бабка головёшку не узнает.

– Не съедят же тебя наши девушки-веселушки. Сходим...

– Нежда-а-ан, – позвал голос от высокого крыльца.

– Мы идём, матушка, только что управились.

– Мы? Ты что же, не один?

Молодая пригожая лицом женщина подошла к друзьям. Одета она была так же, как встретившаяся Андрею девушка часом раньше, только клетка на понёве была ярко-оранжевого цвета с жёлтой тесьмой.

«Родовой цвет? – мелькнуло в голове у Андрея. – Похоже на раскраску ирландских клановых килтов. Доказательство,

что старый мир един»

– Мама, познакомься: это Андрей, внук бабушки Фёклы из Обуховки. Мы подружились вчера. Он поужинает с нами?

– Сейчас спрошу у Большака. Он уже брови хмурит: задержался ты. Подождите меня здесь.

Мать ушла, а у Андрея новые вопросы:

– Кто такой «большак», Неждан?

– Как же тебе подходчивее объяснить.... Ну, в данном случае это хозяин стола. С нами живут дед и бабушка. Так хозяином стола у нас дед, он может разрешить или нет участвовать тебе в трапезе.

– Я уже поужинал, Неждан, могу тебя здесь подождать.

– Да ничего. Это в старые времена не приветствовались гости за общим столом в будни дни. Сейчас таких строгих правил нет. Я тебе скажу, почему: мы живём в новое время – славянские общины малочисленны. Хотелось, чтобы всё больше народу следовало родноверию, поэтому в нашей Славии мы придерживаемся только **ОЧЕНЬ** строгих правил...

– Неждан, зови гостя к столу...

– О. я же говорил: всё будет нормально. Только ты внимательно смотри, что будут делать взрослые и повторяй, не самовольничай.

– А иначе что? – ложкой по лбу?

– Знаешь, да?

– Читал.

– Мне досталось в детстве – шишак неделю красовался, а сам я – предмет для насмешек.

*

Ребята вошли в избу. По внутреннему наитию Андрей поклонился в пояс и поздоровался:

– Мир вашему дому.

Седевший во главе стола крупный мужчина лет пятидесяти пяти поднял высоко мохнатые брови и усмехнулся в бороду.

– Милости просим к столу, добрый молодец. С миром пришёл – хорошо.

Андрей понял, что это и есть большак, то есть хозяин, по правую руку которого расположился похожий на него молодой мужчина. «Сын» – догадался Андрей. По левую руку – женщины, начиная с бабушки. Неждан сел рядом с отцом, показав другу место рядом с собой на лавке. Наступило полное молчание. Затем дед знаком открыл трапезу, а за ним приступили к еде все остальные. Молчали, жевали. Когда были съедены отварной картофель с прошлогодней квашеной капустой и солёными огурцами, дед подал знак невестке, что пора переходить к чаю. Та проворно убрала со стола ложки и миски и принесла самовар, а к нему большую глиняную тарелку с пирожками.

Дед Неждана пережёвывал пищу не спеша, основательно. Все ждали. Наконец он поднялся, – поднялись все, – повернулся к висевшему в углу изображению какого-то бога и, по-

клонившись, произнёс:

– Мы, дети и внуки твои, Солнце-царь, сын Сварога, благодарствуем за те блага, которые ты подаёшь нам каждый день. Неси свет и тепло на наши поля, чтобы земля хорошо плодородила, чтоб дети твои не знали нужды, чтоб урожаи были высокими, и у стада был здоровый приплод. А мы трудом своим приумножим эти блага.

Он снова поклонился и вышел из-за стола. Только тогда остальные домочадцы последовали за хозяином. Мужчины вышли на улицу, сели на лавку под окном. Женщины занялись хозяйством.

– Что поведаешь нам, внук Неждан? – повернул голову к младшему мужчине старший.

– Все заказы развёз – в Обуховку, в Трисветье, на полуста-нок – оградки, плуг из ремонта, две бороны. Кринки и горшки под зерно, два десятка мисок. За Буланкой скоро придут – отдам в ночное. Что-нибудь сегодня ещё сделать, дедушка?

– Завтра поедешь в Трисветье, повезёшь Жреца на совет. Ярило Мокрый на носу.

– Хорошо, дедушка. Можно мне с собой Андрея взять? Пусть ознакомится, как общины живут, ему интересно.

– Я не против. Спросишь у Жреца... Ну, а ты, молодец, – обратился хозяин к Андрею, – глянулся мне: не фырчишь, не ухмыляешься, понимаешь наши обычаи правильно. Может, спросить что хочешь?

– А можно?

– Конечно.

– Солнце-царь, сын Сварога – вы к нему обращались – это Бог?

– Похвален твой интерес. О Дажьбоге слышал?

– Чуть-чуть, – засмутился парень.

– Зря смущаешься: о незнаниях говорить открыто надо. Так вот, слушай. Дажьбог – покровитель славян, Бог Солнца. Своим светом он породил жизнь на нашей планете, на Мидгарде. Дажьбог – это покровитель земного мира. Законы Прави – то есть мира Богов – Он сотворяет. Эти законы неукоснительно соблюдает мир Яви – то есть мир людей. Ты сразу не запомнишь, но это не сложно. Дажьбога ещё зовут Трисветлым, ибо он есть в трёх мирах: Прави, Яви и Нави – подземного мира. Нет, нет, это не обязательно загробный мир, под землёй тоже жизнь имеется. Дажьбог – бог лета и счастья, бог дождя, благ, добра, покровитель свадеб, природы, богатства, помощи. Он – сын Сварога, бога Неба, отца всего сущего, в том числе и славян. Ты наверняка обратил внимание, что на каждой избе изображено Солнышко. Так это символ Дажьбога – золотой солнечный диск. То, что я сказал, тебе понятно?

– Да.

– И ещё: Имя его не от слова «дождь», как ошибочно думают. Имя его от слова «дать» – «податель всех благ», «дающий бог».

– А Ярило?

– А Ярило – это лик Дажьбога, бог молодецкой победы, ярения, воплощение плодovitости и изобилия. Он же – бог любви. В отличие от Дажьбога Ярило – сезонный бог. Он связан с земледелием и плодородием. Кстати, у Ярилы один корень с именами Юрий, Егор, Георгий. В переводе эти имена означают «землепашец». Но Ярило ещё и бог войны. Его изображают сидящим на белом коне. Ничего тебе не напоминает?

– Георгия Победоносца.

– Правильно, они оба восседают на белом коне, но Ярило-то старше!!! Ну, я думаю, с тебя достаточно славянских знаний на сегодняшний день, а то в голове каша получится. С Ярилой ты познакомишься третьего июня, когда община будет его чествовать. Думаю, тебе разрешат поучаствовать в празднике.

Неждан и его отец внимательно слушали Большака. Они знали о своих богах всё, или почти всё, но к рассказу отнеслись с большим уважением.

– Спасибо вам, дедушка Неждана, мне действительно очень интересно. Я попал совсем в другой мир...

Андрей встал, поклонился. Он не знал, правильно ли делает, поднявшись с лавки раньше старших по возрасту, но подняло его движение души.

– Любознателен ты, Андрей, друг моего внука. Это похвально. Ты в городе живёшь? Учишься? Работаеть?

– Да, с рождения в городе живу, учусь в педагогическом

университете на кафедре словесности.

– Детишек учить будешь? Хорошая профессия: уму-разуму учить... Ну, всех тебе благ, паря. Авось, к нам нагрнешь учительствовать, а?

– Загадывать не могу, но вполне возможно. Корни ведь родные мои из этих мест.

Дед встал с лавки и сказал сыну:

– Завтра делаем большой заказ, не засиживайся, встанем рано.

– Не просплю, отец, сам знаешь.

Старший мужчина ушёл в дом, а средний, подражая отцу, обратился к сыну:

– Не засиживайся долго, а то будешь носом клевать на дрожках, опозоришься перед Жрецом.

– Не буду носом клевать, сам знаешь. Мы рано не поедем. Раньше десяти Совет не собирается, а езды в Трисветье всего-то минут сорок рысью.

– Я сказал – ты слушай и выполняй.

Теперь средний мужчина важной поступью поднялся на крыльцо.

– Ой, Неждан, как всё сложно-то с богами... Я, наверное, никогда во всём этом не разберусь.

– Разберёшься со временем, если захочешь. Так что, брат, на посиделки идём?

– Идём. А посиделки где, в клубе?

– Клуба у нас нет, а посиделки у тётки Светланки. У неё

горница самая большая, живёт одна.

– Скажи, Неждан, а молодёжи у вас много?

– Да откуда много? Считай: семьдесят семь домов, в каждом дворе по четыре-шесть человек, в том числе старики и малые детки – около четырёмсот человек. Приблизительно девятнадцать – двадцать два человека моего возраста. На посиделках обычно бывает десять-пятнадцать. В Трисветье народу больше. Наши две общины самые многочисленные. Я знаю, где проживают от десяти до тридцати человек – совсем младенцы... Так, подходим. Держи себя важно и с достоинством. Ты – мужчина, ты – воин!

– Нашёл тоже воина.

– Ты не воин, но держать себя должен, как сильный, мужественный... ну, короче, сам увидишь.

В горнице по краям стен стояли скамьи. У одной стены расположились девушки. Их было немного, и все были заняты задельем: кто пряд нити, кто вышивал, кто вязал салфетки. У противоположной стены сидели парни. Они разглядывали наряды девушек и сравнивали одну с другой на предмет ловкости их изящных ручек.

– Мир честному народу! Ярилу в помощь! – поклонился Неждан и повёл Андрея на свободную скамью.

– И вам всех благ! – отозвалась одна из девушек, та, которую Андрей встретил на пути в кузницу.

Остальные девушки во все глаза рассматривали незнакомца и о чём-то, посмеиваясь и скромно потупляя глаза,

шушукались. Андрей хотел, было, засмущаться, но вовремя вспомнил наказ Неждана: ты – воин! С гордо поднятой головой он просидел на лавке почти полчаса, наблюдая, как из-под пальчиков девушек выходила ровненькая пряжа на свитерочки, и ложились на ткань красивые разноцветные крестики, когда СвЕтланка, а это была, конечно, она, хитро протянула:

– Девушки, у меня кончилась кудель. А у вас?

Девушки оживленно загалдели. Оказалось, что почти у всех кончились нитки, шерсть. Корзиночки для рукоделия вмиг оказались под скамейками. Неждан подмигнул Андрею.

– Тогда объявляю перепевки. Начинаю я. Кто со мной? Ты, Всемила? Выходим.

Обе вышли на середину горницы, и СвЕтланка, подбоченясь, повела глазами в сторону парней. Затем топнула ножкой и пропела первую частушку.

К нам милёночек пришёл,

Волосы волнистые.

Ты, подружка, приглядишь:

И глазки золотистые.

Всемила посмотрела на Андрея и лукаво улыбнулась.

Я, подружка, пригляделась,

Наглядеться не могу:

Круглолицый, чернобровый —

Замуж за него пойду.

– Ого! – зашумели парни, – а мы чем хуже? Только тем, что он новенький?

СвЕтланка крутанулась вокруг себя и снова притопнула.

Круглолицый, чернобровый,

Молодеческая статья!

Ты спроси его, подружка,

Может ли топор держать?

В стане девушек послышалось сдержанное хихикание, а Всемила пропела в ответ:

Мне сорока-белобока

Утром новость принесла,

Что Нежданова кобыла

Парня в гости привезла.

– Какая кобыла? – возмутился Неждан, – и чья такая сорока быстрая, что успела узнать?

Залетела в гости пташка

И назад вернётся.

Городские нам не пара:

В быт наш не вольётся.

СвЕтланка опять по-хозяйски топнула ногой и вызывающе глянула на Андрея своими васильковыми глазами. Но Андрей взгляд выдержал. Тут топнул ногой поднявшийся Неждан. Он вышел к СвЕтланке на круг, снова топнул и пропел:

Мы мужское население

В обиду не дадим!

Мож, сегодня городской он
Завтра – среди нас один.
Ты, дивчина, не гордися,
Гостя привечай добром.
Смотришь: в девках засидишься,
Если сеять будешь зло.
Ты, Андрюха, не стесняйся,
Выходи плясать на круг.
Наши девки-балаболки
Проверяют на испуг.
Я сегодня перепевки
Закрываю. – Не беда.
Как умишка наберётесь
Так заглянете сюда.

Неждан снова топнул ногой. В конкурсе перепевки была поставлена точка. Андрей был благодарен другу, потому что, если честно говорить, он впервые попал под перекрёстные стрелы девичьих глаз и чувствовал себя не в своей тарелке.

Неждан объявил игру в «булавочку» и вызвался быть вА-дящим. «Булавочку» сменила игра в «Цветы», которая собирала фанты, а ведущий задавал вопрос: «Что этот фант должен сделать?» Кто-то пел, кто-то отбивал дробь ногами, кто-то целовал в щёчку рядом сидящего. Исполнение сопровождалось смехом и шутками. Андрею выпало встать на лавку и восхвалять красоту Всемилы. Он вспомнил и прочёл «Я помню чудное мгновение» Пушкина, чем вызвал одобрение

не только девичей половины, но и парней.

Как же посиделки не были похожи на городские современные тусовки и дискотеки! Для Андрея, даже не подозревающего, что может быть так весело, просто и, как ни странно, захватывающе, без пива и сигарет, вечер пролетел, как одно мгновение.

Молодёжь стала расходиться по домам в половине одиннадцатого: на завтра у всех спозаранку были дела. Неждан с Андреем вышли на улицу.

– Как тебе? Понравилось? – полюбопытствовал Неждан.

– Я никогда так хорошо не отдыхал! – признался Андрей.

– А какие у нас девушки-рукодельницы! Может, приглядишь какую, осенью свадебку сыграем.

– Скажешь тоже! Я не присматривался.

– А чего долго присматриваться? Какая быстрее всех и тоньше нить прядёт, та и хороша.

– У нас говорят, что прежде, чем жениться, с невестой пуд соли съесть надо.

– Ну, съешь, и что? Сладше будет? Ты жену в дом выбираешь на хозяйство, а не на засолку. Вон, смотри, СвЕтланка как ровненько нить прядёт да сноровисто! Чем не жена-хозяйка?

– Неждан, СвЕтланка очень красивая и хорошая девушка, да не готов я ещё семью заводить! Мне университет закончить надо, профессию занять.

– Ну-ну, всех девушек разберут, пока ты готов будешь!

Наших Ладушек с вашими Анжелами не сравнить.

– А сам-то чего не торопишься?

– Я ещё не дорос: только семнадцать годов. А вот через год обязательно пригляжу. Моя будущая хозяйка ещё на печи сидит.

– Нет, не согласен, – возразил Андрей. – Кроме хорошей хозяйки ещё и любовь должна поселиться в доме. Как же без любви-то? И постель опостылеет, ежели жена любимой не будет., как в погребе, спать будешь.

– Наши старики говорят: «Стерпится – слюбится».

– Стерпится – да, но не слюбится. Ты, Неждан, женись на той, от которой у тебя волосы заискрятся.

– Возможно, ты прав, Андрей. Я подумаю. У меня ещё есть время, – засмеялся Неждан. – А давай-ка я тебя провожу. Хоть Луна ярко светит, а всё дорога незнакомая.

– У меня фонарик есть.

– С фонариком от развилки пойдёшь, там совсем до села рядом. Я здешний, а ты новичок. Как бы Вертун тебя не встретил.

– Вертун? Это ещё кто?

– Да вредное такое существо, мохнатое, вертлявое. Встретит тебя ночью на дороге и так завертит-закрутит, что до утра до дому не дойдёшь.

– Ты этому и вправду веришь? Сказки всё.

– Ничего не сказки! Сам попал однажды, даже не ожидал. Отец уже искать собрался.

– Ты, случаем, лишнего однажды не выпил?

– Не пью я, на дух не переношу. А ты хочешь верь, хочешь не верь, только я правду говорю... Ну вот, дошли. Отсюда сам пойдёшь. Если будет блазиться что, скажи: «Чур меня сзади, чур меня спереди» и иди, не торопясь. Понял? Побежишь – пропал.

– Понял, чего не понять... Да, Неждан, а ты вправду хочешь меня с собой в соседнюю общину взять?

– Конечно. Ты будь к девяти утра. Наш Жрец покладистый. Он будет тебе всю дорогу лекцию по родноверию читать. Любит он свободные уши, хлебом не корми.

– Я обязательно приду. Встану пораньше, чтобы бабушке по хозяйству помочь и приду. Спокойной ночи, Неждан!

– Да хранят тебя боги, Андрей. Будь!

Друзья разошлись в разные стороны, довольные вечером и друг другом.

ЗЛЫДЕНЬ, ИГОША И ДРУГИЕ

– Бабуля-а-а!

Громкий голос Андрея переполошил Петра Петровича в шестом часу утра. Закукарекав, тот залетел на забор, слетел с него и грозно застучал шпорами. Куры заквохтали, закудахтали, готовые кинуться на выручку своему хозяину, забегали по двору, теряя перышки.

– Ты чего это орёшь, оглашенный?! Али к тебе Злыдень на сеновал в гости пришёл? – Феклинья Яковлевна, ворча, завязывала тесёмки фартука на спине. – Ты глянь, что с кормилицами моими творится – с испугу все яйца растеряют по углам да неделю нестись не будут!

– Злыдень, да? Злыдень – это?.. – интерес так и светился в глазах внука.

– Злыдень – это... – задумалась бабка, – Злыдень – это Злыдень. Знаю только, что он маленький и колючий. В детстве мама нас пугала: «Не будете меня слушать, придёт Злыдень и начнёт вас колоть колючками». Она ещё и песенку припевала злыднину – Колючкой уколою, крапивой обожгу. Ух, берегись!

Оба засмеялись.

– Бабушка, я чего кричал-то – ты мне разрешишь со Жда-

ном навестить Трисветье? Он туда со Жрецом поедет. Я сейчас картошку доплюю, воду тебе принесу и поупражняюсь в колке лучинок на растопку. Ты знаешь, как я опозорился вчера?

Андрей подбоченился, топнул ногой, передразнивая СвЕтланку:

Круглолицый, чернобровый,

Молодеческая статья.

Ты спроси его, подружка,

Может ли топор держать?

Думал, со стыда под землю провалюсь. Хорошо – пол деревянный.

– Андрюшка, – вытирала уголком фартука слёзы смеха Фёкла, девчонки, они такие: любят наставлять будущих мужей на путь истинный. Не обидно, но прямо в глаз. Ох, уморил, ей-Богу! Пойдём, творожку со сметанкой поешь – самый полезный завтрак. А потом за работу, пока прохладно. Лето началось дюже жаркое. Тебе к какому часу велено прийти?

– К девяти.

– Успеешь. А с лучинками вечерком потренируешься. В этом деле спешка не нужна, неровен час пальцы на земле лежать останутся.

Уже сидя за столом, не донеся ложку до рта, Андрей замер и прислушался.

– Что случилось, внучек? – Феклинья Яковлевна наливала

в мисочку сметану.

– Ты ничего не слышишь?

– Ничего... Скребётся кто, что ли?

– Плачет... Так тихонько плачет... У меня что, глюки?

– Кто ж плакать-то может?

– Я уже не знаю, что и думать, бабушка... во, во! Это откуда плач доносится, – показал пальцем Андрей на печь, возле которой лежала большая меховая рукавица. Этой рукавицей бабушка закрывала и открывала печную дверцу.

– А-а-а, – протянула Феклинья Яковлевна, – так это Игоша, он в рукавице живёт. Ты его своим криком напугал до полусмерти, вот он и рыдает!

– Бабушка!!! Может, у тебя и Домовой живёт?!

– Конечно. У меня семья домовых, а ещё Дворовый.

– Так, – положил ложку Андрей, – за два дня моей голове не вместить всех сказочных существ! Пойду на огород осмысливать.

Он уже вышел за порог, и только голова ещё застряла между косяком и дверью.

– Ну, скажи ты мне, непосвящённому, кто такой Игоша!?

– Хи! – засияла улыбкой бабушка Фёкла. – Это мой маленький помощник – кругленький, как клубочек шерсти, без ручек, без ножек, только ушки большие. Он катается по полу, крошки собирает, в рукавичку уносит и там лакомится. Очень нервный и плаксивый, но полезный.

– Ты сама-то его видела?

– Не видела.

– Ну, конечно, – кивнул Андрей и закрыл дверь.

*

В начале девятого Андрей плескался у рокомойника, баба Фёкла стояла рядом, держала полотенце в цветную полосочку. Повесив мокрое полотенце на верёвку сушиться, она зашла в дом и ахнула: тот стоял у зеркала в футболке и шортах.

– Ты чего удумал, а? Ты собрался ехать в трусах?

– Это не трусы, это шорты.

– Всё, что выше колен – трусы. Тебя в общине поднимут на смех, а детишки будут кидать камнями.

– А что делать? Джинсы грязноваты.

– Что делать?.. Что делать... У меня в сундуке белые отцовы кальсоны залежались. Вязочки отрезать, так, может, сойдут за славянские штаны?

– Бабушка!!! Кальсоны они и есть кальсоны, даже, если вязочки отрезать. Я представляю: городской пижон в кальсонах по общине дефилирует! Чтобы стать предметом насмешек для девчат??? Ну, уж нет, в джинсах поеду – может они... запылились в дороге... Всё, я побежал!

– Стой, мелочь пузатая! Котомочку возьми. Творожок, яички варёные, хлеб и бутылку молока я тебе приготовила.

– Спасибо, моя родная. И когда ты всё успеваешь?

Андрей поместил в ладони бабушкины морщинистые щёчки, расцеловал и, подхватив рюкзачок, умчался. Уже со двора до прослезившейся Фёклы донёсся крик:

– Не скучай! Обещаю: последующие два дня дома буду, никуда не пойду!..

ЖРЕЦ ВЕЛИМОР

Когда Андрей подошёл к избе кузнеца, Буланый уже был запряжён в дрожки, а на облучке восседал Неждан.

– Запрыгивай. Поехали за Жрецом.

– Доброе утро, – поздоровался Андрей.

– Здрав будь, – отозвался друг. – Я уж думал, не придёшь.

Ещё минут десять, и ты бы нас не застал.

– Да штаны меня задержали... Куда садиться?

– Рядом с Велимором поедешь. А что со штанами? Порвал или потерял где?

– Надел шорты, бабуля заругалась, предложила кальсоны. Ей мои голые ноги не понравились. Не, ты представляешь меня в исподнем среди лета и среди людей? Позор! Вот, в грязных джинсах еду.

– Ты какой день меня веселишь, брат! С тобой скучать некогда... Тпруууу! – натянул вожжи Неждан, – вот изба Жреца. Ждём.

– Что-то мне боязно. Впервые встречаюсь с магом.

– С каким магом? Ох, и тёмные же вы люди!.. Стой, Буланка, не сучи ногами, скоро поедем!.. Пока ждём, я попробую тебе коротко разъяснить. Жрец, или иногда Жрица, это люди, ведущие обряды в общине. Они соблюдают все празд-

ники Кологода...

– Кологода?

– Да... – почесал темечко Неждан. – Ладно, слушай. Кологод – это годовой круг, который проявляется в Природе. Это природные праздники, они не прописаны в священных книгах, они наблюдаются в Природе. Все славяне отмечают эти праздники, а Жрецы правят Обряды в специально отведённых местах во Славу Богов и Предков. Этим праздников насчитывается около сорока. То ли тридцать восемь, то ли тридцать девять. Как-то не догадался посчитать.

– А про магов?

– Вот дались тебе эти маги! Маги в Европе, а у славян ведунуны и волхвы, но они не колдуны, которые повелевают стихиями, они и есть безграничная стихия... Как бы тебе подходить объяснять... Волхвы не подчиняют себе силы природы, они – их проводники. Конечно, они могут при необходимости одной лишь силой мысли обратить землю под ногами врагов в бездонное болото, но в основном – это умудрённые жизненным опытом мудрецы, достигшие невероятных пределов на пути духовного самосовершенствования. В древности их было много, а сейчас единицы.

– Ты меня запутал, Неждан, а кто тогда жрецы?

– А жрецы... жрецы... Ну, скажем так: жрец – это статус. А волхв – это... это особое состояние тела. Вообще, Андрей, чтобы всё понять, надо родиться волхвом. Знаю только, что не каждый жрец может быть волхвом или ведуном, зато каж-

дый волхв – это жрец.

– Верно говоришь, брат Неждан! Хочу ещё добавить: мудрец не тот, кто много знает. Мудрец – тот, кто знает нужное, и в этом разбирается.

В дрожки запрыгнул мощного телосложения мужчина. «Жрец!» – догадался Андрей. Сиденье закачалось на рессорах. Он не был высоким, зато широк в кости, неопределённого возраста. Ему можно было дать и тридцать пять и сорок пять лет. С окладистой бородой и аккуратно подстриженными усами. Длинные волосы во лбу перехвачены красивым переплетенным ремешком. Поверх расшитой рубахи грудь жреца украшала бляха – обережный символ славян – Коловрат. О Коловрате Андрей читал в журнале «Тайны XX века», но вот так близко видел впервые. Коловрат олицетворяет ход Солнца и Богов, с ним связанных – Сварога и Хорса. Слово «коло» означает круг или колесо. Вот и всё, что он знал.

«Надо же! – подумал Андрей, – Кологод тоже означает „круглый“. Вот и Коловрат выглядит, как круг с лучами – их восемь и загнуты они против часовой стрелки. Это чтобы легче катилось, наверное, за тучки не цеплялось».

– Мир вам, юноши, – поздоровался Жрец. – Едем, брат Неждан, негоже опаздывать.

– Успеем. Буланка застоялся, быстро домчит, дядька Велимор.

– Добро, коли так. Я смотрю: у тебя новый товарищ.

По одежде не славянин. Из мирян будешь...

– Андреем меня зовут.

– Так ты откуда прибыл, брат Андрей?

– Из Обуховки. К бабушке Фёкле в гости приехал в помощь, прихворнула она.

– Похвально. Старших не токмо славить да почитать следует, а и помогать в немощи... С нами почто едешь? Интересноешься?

– Да.

– То-то я смотрю, глаза у тебя загорелись при взгляде на Коловрат. Знаком тебе сей символ?

– Немного. Читал в журнале.

– А в журнале писали, что славянский коловрат отображает ход Солнца, вращение планет и галактик? Нет? И не напишут, скорее всего. В нашей Вселенной вращается всё: от атомов до планет. А ты знаешь, что изображение коловрата есть и на звёздном небе?

– Правда?

– Да. Как-нибудь в звёздную ночь во время зимнего и летнего солнцестояния – точек года – проведи линию от созвездий Большой и Малой Медведиц к полярной звезде, увидишь элементы коловрата. А если соединить на карте эти созвездия в четырёх точках года – зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия, то получится чёткое изображение коловрата. Вообще: коловрат – это подтверждение того, что наши предки знали значительно боль-

ше, чем утверждают исторические источники... Что-то жарковато сегодня, разбушевался Ярило не на шутку... Кстати, юноши, как Коловрат в проекции с большого расстояния выглядит Млечный путь, то есть наша Галактика, а нить человеческой ДНК с торца имеет форму ярги-свастики. Разве это не доказывает, что славяне обладали знаниями, к которым современное человечество ещё только подбирается?

– Дядя Велимор, – осмелился обратиться к Жрецу Андрей, – скажите, а зачем создаются славянские общины? Разве не все мы русские? И государство у нас одно.

– Хороший вопрос. Да, государство у нас одно – Российская Федерация. Но все ли в нём русские? Нет, не все.

*** Росов, или русов – так будет правильнее, всего три четверти. Да и тех спрятали, убрав из паспорта графу «национальность». Вот смотри: граждане Российской Федерации, как впрочем и в других странах Славяно-Роского Происхождения, одинаково уравниены в правах перед неким Много-Народным, или, как сейчас говорят, МногоНациональным Сообществом, откуда нам навязывают чужую культуру, мировоззрение, диктуют свои условия. Вот и получается, что это всё не Русь. Русь – это русы или росы, которые должны на своей земле быть единоплеменными, единокровными правителями своих земель. У нас же выходит полное несоответствие между количеством коренного большинства Славяно-Роского и его качественного места в государственном строю. Оно очень не соответствует нашим вечным правам

быть самодержцами державы своей через своё начальство и своих подчиненных, своих по крови. Разве Свой не захочет передать Своим? Захочет. Но в нашем Отечестве почему-то не заявлено, что наши избы, наши дворцы, наши земли не могут быть наследованы другими племенами, другими Именами человечества. Наше начальство в государстве готово пренебречь счастьем и довольством собственного Народа во имя удовольствия инородно-иностранного Рода. Уже много лет нами не годно, не праведно правят инородцы-иностранцы, и пора вернуть желание и право Править Собой, Семьёй, Страной. В настоящее время сие Право пребывает в бесПравном состоянии.

Чтобы восстановить наши права на дубы и дрова, чтобы привести Государство обратно в люд и чтобы оно, оторванное от Народа, со временем не стало Секирой на Народ в руках Иностранного вида влияния, создаются славянские общины. Их становится всё больше и больше. Росы постепенно просыпаются, чтобы иметь право на свои Привычки, на свои Особенности и Свойства – это Воля Божья и Законы Божьи во Плоти Людской.***

Я ёмко ответил на твой вопрос?

– Очень понятно ответили, доходчиво. А кто может быть членом общины?

– Этот вопрос, брат Андрей, не просто хороший, а очень хороший. Ты слышишь, Неждан? Чувствую, что в недалёком будущем наша община пополнится ещё одной семьёй.

Самое главное условие, юноша, принять Родноверие – образ жизни и мышления, мировоззрение славян. А так же иметь представление о Роде-Творце как едином боге всего бытия, – загнул палец Велимор, – О Богах, покровителях Земли и славян, ведущих прямую родословную от Тарха Перуновича... Кстати, «славянин» означает «славящий Богов»... Так, далее: кандидат в члены общины должен чтить традиции НаРода и по возможности популяризировать его мировоззрение. Ну, и конечно, своим личным примером утверждать в общине нравственные понятия и взаимоотношения.

Для руса, юноша, запомни, национальные ценности должны быть первоочередными. Ну-ка, Неждан, перечисли, какие именно.

– Родная Земля...

– Верно.

– Природа и народ; историческое и духовное наследие; настоящее и будущее НаРода и Природы.

– Умница! Всё верно говоришь: уроки в воскресной школе даром не прошли.

– Подождите, дядя Велимор, а как же экономика, политика?

– У славян, Андрей, экономика и политика – вторичны, они присутствуют сами по себе, если в мире главенствует Лад, Добро, Правда, они подчиняются высшим – духовным ценностям... Вот и приехали! Хорошо я сегодня с утра по-

работал головой, ребятки! Ты, Андрей, можешь ещё мне пару вопросов надумать на обратную дорогу. А ты, Неждан, ровно через три часа подгони коня к дому жреца Всеслава. И не болтайтесь по Трисветью без дела, найдите себе полезное занятие.

Велимор направился к дому жреца Всеслава, а Андрей спросил у товарища:

– Неждан, а у вас действует воскресная школа?

– Конечно! Знания не приходят ниоткуда. У нас пятилетние малыши знают основных Богов, знают, как относиться к Природе, трудятся рядом с родителями...

– А как же общеобразовательная школа?

– Так же, как у всех – одиннадцать классов. А потом каждый решает сам, где ему жить и работать. У нас волю не навязывают, у каждого свой путь, своя дорога, продиктованная совестью и мировоззрением. Ладно, всего сразу не расскажешь. Велимор советовал не прохлаждаться. Поехали к моему знакомому, у него гончарная мастерская. Посмотришь, как горшки и кринки рождаются.

Община Трисветье дворов на десять больше, чем Славия. Она старше на три года. Здесь расположены гончарная и ткацкая мастерские, две пасеки, стадо коров.

– Конечно, у них возможностей для развития больше, но мы не завидуем, мы дружно живём. Один раз в год осенью собирается общее Вече, подводятся итоги, ставятся задачи на будущий год. По необходимости избираются Скарбник,

Жрец и Проверочный Совет.

– А плановость не исключается?

– Не знаю. Этим занимаются Скарбник и Казначей. А вот и гончарня.

ЗНАКОМСТВО С ГОНЧАРНЕЙ

Длинное и высокое строение открылось взору Андрея. Оно было выкрашено в белый цвет. Большие чистые окна украшены резными наличниками тёмно-бордового цвета – они подчёркивали белизну бревенчатых стен. У такой же резной двери на широкой подставке красовалось кованое дерево, ветви которого украшали разного диаметра кольца, а в них размещались разнокалиберные разукрашенные горшочки и криночки.

– Какая красивая реклама! – восхитился Андрей. – А деревце – твоё произведение?

– Да. – Скромно ответил друг. – Это моя первая самостоятельная работа. Мне помогал дедушка, сам бы я не смог так аккуратно выковать кольца. Я подарил его Недлину, когда он сделал свои первые горшочки. Ну, пойдём-пойдём, а то ты не успеешь всё посмотреть.

Друзья вошли в помещение. Мастерская комната началась сразу от двери. Напротив почти по всей длине стены красовалась печь для обжига готовой глиняной посуды. По бокам отгорожены два помещения. «Одно для исходного материала, а другое – под склад» – догадался Андрей. На полках от пола до потолка стояла посуда, готовая пойти

в печь на обжиг.

– Кого я вижу: сам Неждан нагрянул в гости!

Небольшого роста светловолосый парень встал из-за гончарного круга, установленного у окна.

– Здрав будь, брат, давненько ты к нам не наведывался.

Каким ветром занесло?

– Успеха твоей мастерской, Недлин, – отвечал Неждан. – Жреца Велимора привёз к Всесилу. А пока они совещаются, решили мы с Андреем тебя навестить. Не помешаем?

– Конечно, нет. А вот, если поможете, спасибо скажу.

– С удовольствием, только с одним условием, – Андрей с любопытством оглядывал гончарню.

Недлин удивлённо поднял брови, глянул на Неждана – не понравился ответ незнакомца – и сдвинул светлые брови на переносице.

– В то время, как мы будем тебе помогать, ты будешь рассказывать. Иными словами: проведёшь экскурсию по мастерской. Согласен? А потом мне бы хотелось самому попробовать горшочек смастерить.

Брови Недлина разошлись в разные стороны, он протянул парню руку.

– Недлин. Согласен.

– Андрей. Буду вопросы задавать. Говори, что надо делать.

– Вся основная работа сделана. Подмастерья на заготовке глины и разгрузке угля для печи. А мне надо заполнить печь

готовыми горшками.

Недлин подошёл к печи и открыл чугунную заслонку длинной, равной двум третьим длины печи.

– Вот это называется горн. Внизу уголь, это первый ярус. Второй ярус отделяется от первого глиняной перегородкой с отверстиями, на которую устанавливается высушенная посуда. Сейчас мы её будем ставить. На сегодня у нас большие горшки для хранения мёда и кринки для молока и масла. Неждан, поднесите их, они стоят на нижних полках у правой стены.

– А отверстия на перегородке для чего? – спросил Андрей, поднося горшок и заглядывая в печь.

– Сам догадаешься? – улыбнулся гончар.

– Думаю, чтобы горячий воздух проходил через них. Правильно?

– Правильно.

– А какая должна быть температура в печи?

– Тысяча двести градусов, иногда выше, смотря что обжигашь.

– Ой, смотри, Недлин, на доньшке рисунок. Почему на доньшке, а не на стенках?

– Это, Андрюша, не рисунок, а клеймо мастера, – встрял Неждан, – у Недлина это спираль. «Спираль» – так называют на рынке всякие горшочки и сковородки с мисками – продукцию Недлина. Она идёт нарасхват, потому что качественная и красивая. Смотри, какой орнамент по краю! От та-

кой красоты молоко вкусней и масло жирней! У Недлина опыт большой – двадцать лет у круга... Ребята, вы простите, мне надо Буланку покормить и напоить. Недлин, можно мне взять воды?

– Конечно. Там, за гончарней, ёмкость с водой и ведро...

Ну, печь загружена. Спасибо вам. Завтра с утра начну обжиг.

– Недлин, а можно печь приспособить к электричеству?

– Было бы хорошо, с углем много мороки. Но, боюсь, что температуры в печи будет недостаточно. Я вообще мечтаю об электронном управлении – задал программу, и не надо беспокоиться. Думаю, в будущем так и будет. Глиняная посуда, она ведь живая, она дышит, она экологически чистая и для здоровья полезная... да чего там, это мой конёк, на тему о глине я могу говорить много и долго. Ещё вопросы задавать будешь?

– Буду. У тебя четыре окна и возле каждого круг. Расскажи, как делаются горшки?

– Да просто: вот сам круг. Три из четырёх работают от электричества, а четвёртый – механический.

– Почему?

– Тут есть небольшая хитрость, иногда отключается свет, а заказ необходимо выполнить в срок. За этот механический круг я усаживаю новичков, чтобы познали всю прелесть гончарного ремесла.

– Понял. Плох тот генерал, который не был солдатом.

– Да, именно так.

– Недлин, а вот ты мечтаешь об электропечи. Ситуация: свет отключили, а продукция в печи – тогда как?

– Не знаю, как-то не подумал...

– Надо продумать, чтобы электричество можно было тут же заменить углем. Какая-то особая конструкция печи что ли... У каждого круга стоят разные ёмкости. Здесь вот глина, а в двух других камушки мелкие и зола. Зачем?

– Ну, прежде, чем класть кусок глины, надо на круг посыпать золу или камушки, тогда кувшин легко отделяется от круга. Понятно?

– Да. А вода зачем? Руки мыть?

– Неужели ты никогда и нигде не видел, как рождаются глиняные горшки?

– Не-а. Даже в кино. Как-то не надо было.

– Когда кружится круг, а руки начинают работать, создаётся трение между ними и глиной. Вода выполняет функцию смазки.

– Вот теперь понял. Недлин, а когда ты будешь лепить горшки? Хочу посмотреть.

– А сам поучаствовать не хочешь?

– А можно?

Андрей и не надеялся, что ему могут предложить самому изготовить горшочек. Он сразу представил, как будет хвастать своей работой перед бабушкой Фёклой, а она с гордостью будет смотреть на умницу-внука.

– Да вот после Ярилиного дня и буду. Милости прошу!

– Куда просишь? Я тоже хочу!

– Горшочки лепить! – засмеялся Андрей.

– А я настроился на полдник, – разочарованно протянул Неждан, который на последних словах Недлина вошёл в гончарню.

– Сейчас перекусим. Бабуля мне чего-то в рюкзак положила. Я мигом!

Через десять минут на чистом гончарном круге друзья с большим аппетитом поедали скромную пищу: творог, варёные яйца с подсолённым хлебом и запивали молоком, которое на солнце превратилось в простоквашу, но это было даже вкуснее и полезнее.

ЖРЕЦ ВЕЛИМОР (продолжение)

К дому Жреца Всеси́ла подкатили вовремя. Попрошавшись с коллегой, Велимор вскочил в дрожки.

– Трогай, Неждан. Домой-домой-домой... Хороший сегодня денёк выдался. А у вас?

– У нас тоже неплохой., – ответил Андрей. – Мы побывали в гончарне, помогли Недлину, познакомились с гончарным кругом! Жаль только, самому не пришлось за ним поработать. Но Недлин обещал научить. Мы расстались друзьями.

Андрей так и светился от удовольствия. Ему действительно было очень интересно.

– Дядя Велимор, а какие красивые детские игрушки я видел! Лёгкие, раскрашенные. Недлин подарил мне фигурку девушки – и как он сумел передать в глине изящество, грацию, величие женской красоты – мне не понятно.

– Непонятного тут ничего нет. Ты, Андрей, слышал выражение «талант от Бога»? Во-о-от... Недлин не просто ремесленник, а ремесленник, отмеченный богом Сварогом, отцом всего сущего. Видимо, Недлину досталась самая большая искра от Хорса из горнила, когда он впервые сел за гончарный круг пятилетним мальцом. Позднее старейшины доверили ему повелевать гончарной мастерской и не ошиблись.

Под его началом около десяти человек от пяти до двадцати пяти лет. Ребята изготавливают кухонную утварь: большие горшки для щей, миски, тарелки, даже сковороды, ну, и детские игрушки. Девочки и девушки раскрашивают и покрывают лаком. Глиняная посуда не даёт пище быстро портиться. Хлеб в глиняном горшке, накрытый такой же крышкой, долго не черствеет и не портится. Глина – порождение Матушки Сырой Земли, она живая субстанция, и изделия из неё умеют дышать.

– Мне Недлин немного говорил об этом. Всё так интересно. А вы-то сколько много знаете!

– Мне бы хотелось, юный друг, чтобы ты говорил мне не «вы», а «ты». У славян не принято братьям говорить «вы», потому как мы не враги друг другу.

– Почему? Это же элементарная вежливость, почитание старшего младшим.

– Всё правильно, – согласился Жрец, – в современном этикете так и есть.

– Почему в современном? В царское время дворяне обращались друг к другу на «вы».

– На этот счёт у меня такое мнение: дворяне русскому языку предпочитали язык французский. Его они знали даже лучше родного. Правильно?

– Да.

– Так вот, во французском просто нет слова «ты», только «вы». А помещик, желая оскорбить неугодного соседа,

мог запросто сказать: «Да вы, батенька, свинья!» Великий князь киевский Святослав Игоревич, полководец Древней Руси, предупреждая врага: «Иду на Вы», даёт определение слову Вы как «тьма», «враг». «Вый – царь тьмы», а в языке русов богов света на «вы» не называли, только на «ты». Есть ещё толкование слова Вы: Вырий – чужие края, Выяр – тёмное чужое плохое место. Производное слово «Выродок» – чужой, плохой человек для рода. В исторических документах встречается обращение к князьям Московскому и Тверскому: «Ты, великий князь...» В данном случае «ты» как знак уважения к собеседнику. Ну и, поскольку наши родовые общины следуют родной вере, то у нас принято говорить друг другу «ты» независимо от возраста и статуса. А почитание старших заключается не в слове, а в деле и в поступке – я тебе уже об этом говорил.

– Дядя Велимор, а вот в классической христианской молитве читается: «Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, как на небе, так и на земли...» – и тоже обращение на «ты»...

– Верно. Так обращаются к Отцу как к родителю – так и должно быть. Только что там дальше в молитве? «... Хлеб наш насущный дай нам на каждый день и не введи нас в искушение и избавь нас от лукавого...» Давай порассуждаем. В христианском мире Создатель один – Отец, и у него один сын – Иисус Христос, который своим примером и смертью должен был искупить грехи человеческие. Выражение

«Один в поле не воин» тебе ни о чём не говорит? А есть ещё сказка об Анике-воине... ОДИН – на всё мировое сообщество – капля в море, это песчинка в пустыне Сахаре. В язычестве, как теперь называют Родноверие, есть тоже бог-Создатель. Это РОД. Он начало Всему, творец Вселенной, Бог Родитель. Он – Мать и Отец богов. Он – Отец Лады и Сварога, от которых пошло множество других богов-детей. Каждому богу-ребёнку отведено особое место в Мире – это не только стихии и природные силы, это Родители и учителя. У славян каждый человек волен выбирать себе бога для почитания. Вот почему один – ремесленник, другой – землепашец, третий – жрец или учитель. Мир Яви принадлежит всё-таки людям, и они определяют судьбу мира. Боги славянские не считаются хозяевами, как бог христианский, который по своей воле может дать хлеб насущный, а может и не дать, если ты не испросишь у него позволения молитвой, и славяне своим богам не поклоняются и не раболепствуют, а только лишь почитают, прославляют за оказанную помощь и учатся у них. А поучиться есть чему. Каждый наш бог – учитель не только духовный, но и жизненный.

– Вот ты говоришь – славянские боги. Так это, выходит, тоже религия?

– В каком-то смысле возможно и так назвать. Славянское Родноверие – это национальная религия, но она опирается на естественную систему природных ценностей, на то, как на самом деле устроен этот мир. Родноверие, это, по боль-

шому счёту, миропонимание, то есть понимание мира таким, каков он есть, и обучение тому, как надо жить в этом мире. Вот ты кем себя ощущаешь, царём природы или частью её?

– Нет, какой я царь? Тут даже и вопрос так ставить нельзя.

– Правильно. А Родноверие как раз и помогает человеку осознать себя частью природы, и часть эта должна жить по законам природы. Родноверие способствует становлению национального самосознания, возрождает родовую память и традиции предков. Мало того, формирует самодостаточную и независимую личность, хозяина самого себя. Как-то я прочёл высказывание одного чиновника: «Религия – это очень грамотный и эффективный метод управления массовым сознанием». Не поэтому ли РПЦ настойчиво называет Родноверие сектой? Кстати, первые христиане не называли себя «христианами» – это их так называли язычники древних времён по имени почитаемого ими мессии.

– А откуда слово «язычники»?

– Нравишься ты мне, Андрей, своей любознательностью, честное слово! Смысл слова «языческий» можно перевести на современный язык, как «простонародный». В первую очередь слово «язычник» происходит от слова «язык», то есть – «народ», не «чужой, другой народ», как зачастую можно услышать сейчас, а именно «народ вообще». Следовательно, «язычник» – это народный человек, человек своего народа. По другому можно сказать и так: язычник – это человек, говорящий на другом языке или – исповедующий другие взгля-

ды. Тот факт, что христиане придали слову «язычник» значение «дикарь», является личным делом христиан. По сути, этим они говорили:

«Откажись от своего народа, стыдись своей веры и Предков».

Но, так как у подавляющего большинства населения нашей страны еще крепко сидит в умах стереотип «язычник = дикарь», мы прибегаем к другому названию:

«Славянская Родная Вера», или «Родноверие».

Слово это отражает саму суть Веры славян. До внедрения христианства славянское язычество опиралось на знания тысяч поколений людей с их опытом, мыслями и чаяниями. Вековые знания «простонародия» создали стройную и непротиворечивую картину мира и его создания. Кроме того, так называемое язычество направлено на формирование особого типа мышления с целью самосовершенствования человека. Повторяю: САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ. Христианство же запихало человека в такие рамки, что он ни вправо, ни влево ступить не может...

Теперь о том, что такое ВЕРА. Русская речь состоит из слов, а слова – из образов, соединённых воедино – отсюда понятие «ОБРАЗование». Образы отображаются рунами. Многие говорят: «Христианская Вера», «Католическая Вера» и так далее. Откуда это слово – Вера? Вера была у славян многие сотни тысяч и миллионы лет назад, когда не было религий, и в том числе многих народов, их создавших, за-

долго до заселения нашей Земли. Поэтому прилагательные «Христианская», «Католическая», «Мусульманская» и тому подобное не имеют отношения к этому слову, отражающему совершенно другие образы. Для понимания тут можно привести аналогию: «русский негр». Если чернокожий человек стал жить в России и говорить по-русски – его можно условно так назвать. Но белым-то он от этого не станет.

Кроме того, «Вера» (Ведара) пишется через «Ять» после буквы «В», букву, которую изъяли из русского алфавита после революции. Именно в этом написании слово «Въра» (Ведара) означает «Сияющая Мудрость», то есть Знание. В современном написании, через «е», это слово означает веру без знания, то есть именно то, что имеется в виду в современном понимании. Эта форма родилась недавно и несёт искажённый смысл, которым сейчас и пользуется всё общество... Не сложно я объясняю?

– Нет-нет, всё понятно, дядя Велимор. Говори ещё.

– Вообще-то, славянская религия, или правильнее – славянское вероисповедование – официально признано властями Российской Федерации и зарегистрировано 18 февраля 1994 года. Так что наша вера сектой не является, как бы это ни утверждала РПЦ.

– Из нашей с тобой беседы до обеда, дядя Велимор, я понял, что других богов, кроме своих, славяне не признают?

– Хороший вопрос. Ты знаешь, для меня довольно удивительно веротерпимость русов по отношению к инакомыс-

лящим, будь то иноземцы или даже соплеменники. Закоренелый язычник князь Святослав на обращение в христианство своих соотечественников лишь посмеивался. Главное для Славянина – нести Свет для других людей, как наш Предок Дажьбог, Бог Солнца. Нести Добро людям. Не унижать другие вероисповедания, ибо кто на чужие Святыни посягает, тот свои Святыни потерять может. А сейчас многие родноверы унижают христиан, крича: «Вы Рабы Божьи, а мы Внуки Дажьбожьи», что в корне не верно. Мы все придем к Единому, просто разными Путиями. В пункте шестнадцатом Родового Устоя чётко сказано: «Не отвергайте богов, вам неведомых. Не хулите их, а храните и почитайте древних Богов своих». То есть был принцип: Боги наши – суть Предки наши. Значит, другие боги, это прародители других людей, а зачем спорить, чей папа лучше? Это глупость – для каждого свой папа лучший. Славяне веротерпимы до тех пор, пока к нам не лезут. У них свои боги, у нас свои, и нечего нам навязывать чужое или спрашивать нас: «А что у вас за Вера? Какие Боги?» Это не ваше дело, отвечать надо, к вам наши Предки никакого отношения не имеют. И каждый должен сохранить своё. Надо стараться постигнуть Суть славянского мировоззрения. А это намного важнее и сложнее, чем унижать представителей иных Вероисповеданий. И потом, не забывай, что в старые времена, да и в современье тоже, войны случались именно на религиозной ниве. Не было у славян религии, поэтому наша веротерпимость никак не совме-

стима с озлобленностью и местью. Я как-то вычитал выражение Ленина, что религия это один из видов духовного гнета, и гнёт этот лежит везде и всюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Я склонен с ним согласиться.

– Почему?

– Это выражение очень актуально сегодня. Как ты знаешь, весь мир находится в экономическом и политическом кризисе так же, как Россия. Материальное благополучие простого народа по сравнению с властимущами в глубокой яме, он задавлен нуждою и одиночеством. Этим пользуется РПЦ, насаждая в регионах Храмы, уводя людей от решения насущных проблем в религиозный туман.

– Да, верно. Молитвами экономику не поднимешь... А ещё ты сказал: Россия для росов. А не похоже ли это на лозунг гитлеровцев: «Германия – для немцев»?

– Ты, друг мой Андрей, несколько переиначил то, о чём я говорил. На территории обширной России проживают, и пусть проживают на здоровье, множество иных племён. У каждого этого племени своя культура, свой язык, традиции, но они живут в государстве, государстве русов, где **УПРАВЛЯТЬ** должны только русы, только русы и никто **ИНОЙ** – иначе мы потеряемся как нация, как народ, растворимся в иноверцах. А наше доброе либеральное правительство расстилает коврающую дорожку перед людьми с **ИНЫМ** менталитетом в высшие эшелоны власти, результатом чего

детям в школах вводят на изучение русского языка девяносто минут в неделю. Выражение «Прийти со своим уставом в чужой монастырь» как никогда актуально сегодня. На земле русов насаждаются синагоги, мечети, костёлы – народы этих вероисповеданий не утратили связи со своими родными богами, вера их сильна, тогда как русов дважды лишали их веры. Даже сейчас разрушаются Капища, запрещается проведение обрядов. Если тебе ведомо, князь Владимир первым насильно обратил Русь в христианство. Сколько было жертв? На лезвии мечей несли христианство восточным славянам киевские крестители. Конечно, крещение Руси князем Владимиром было ничем иным, как государственной реформой. Но эта реформа обеднила отечественную историю, лишила её самобытности и национальных корней. Затем большевики кувалдой выбивали из русского народа веру в Бога. Оба раза в вероисповедование влезли ИНОродцы. Что получило взамен РОСКОЕ государство?.. Ты обрати внимание, сколько по городам и весям понастроено церквей – зачем и кому это надо?.. Вообще-то, захочешь – поинтересуешься и поразмыслишь над тем, почему от западных границ России до восточных всё больше создаётся славянских общин. Ты, вижу, парень смыслённый и любознательный. Я приглашаю тебя на День Ярилы Мокрого третьего июня. Я разрешаю тебе быть в Капище. Неждан подтвердит перед членами общины моё разрешение. Смотри и впитывай в себя всё, что увидишь... А теперь, юноши, я прощаюсь с вами. Будьте!

Только сейчас Андрей заметил, что дрожки стоят у избы Велимора. Ему ни о чём не хотелось больше говорить – сплошной разброд «в уме и настроении».

– Андрей, я понимаю, что ты чувствуешь сейчас, – тихо сказал Неждан. – Я отвезу тебя в деревню и сдам на руки Феклинье Яковлевне, пусть напоит тебя горячим чаем с мятой... Но, Буланка, послужи нам ещё минут пятнадцать, а там я дам тебе отдых...

Увидев своего внука в странно-подавленном состоянии, бабка Фёкла заахала, заохала, в сглаз не поверила, но «святой» водички в чай добавила – на всякий случай.

«БУДЕТ»: – СКАЗАЛА КУТИХА

Андрей проснулся внезапно. Было тихо. «Интересно, который час?» – открыл глаза он.

– Ча-а-ас, – эхом отдалось где-то в правом углу сеновала.

«Что за странность? Откуда эхо? Я ж только подумал». – Андрей откинул одеяло и сел, всматриваясь в темноту.

– Поду-у-умай, – прозвучало в ответ, но уже из противоположного угла.

– Чертовщина какая-то! – уже вслух высказался парень.

События последнего прошедшего дня, и особенно беседа со Жрецом всколыхнули чувства, ему самому ещё не совсем понятные. Андрей обхватил руками колени и задумался: «Я нахожусь посередине быстрой речки в лодке, у которой нет весёл. Я отплыл от одного берега и не могу пристать к другому. Вот ситуация!»

– То ли ещё бу-у-удет... – прошелестело над ухом.

– Да кто здесь? – воскликнул Андрей, – Говори уже, что будет-то?

– Бу-у-удет, бу-у-удет, а пока спи, глазки закрывай...

– Баю-бай... – непослушный, онемевший язык dokonчил колыбельную фразу. Андрей почувствовал, как невидимая мягкая рука бережно помогла ему опуститься на подушку.

Уже через секунду парень крепко спал.

Разбудил его обеспокоенный голос Фёклы. Рывком сев, Андрей на четвереньках подполз к дверце и выглянул наружу. Солнце стояло высоко, а на него снизу вверх смотрели серые глаза бабки, в которых бушевала тревога.

– Тут я, бабушка.

– Батюшки-светы! – шлепнула себя по крутым бокам Феклинья. – Ты на кого похож?

– Не знаю. Может, на тебя? Во всяком случае, мне маманя ничего не говорила про похожесть. А правда, бабуля, на кого я похож?

– А ты слезь да полюбуйся на себя, красавца. Чудеса, да и только!

Спрыгнув на землю, Андрей заглянул в ведро, доверху наполненное водой.

– Это кто? Я? – спросил он у бабушки, удивлённо тараща на неё глаза.

– Тебя Андреем зовут?

– Андреем.

– А меня как зовут?

– Феклинья Яковлевна.

– Тогда ты – это ты, – кивнула головой старушка, и из глаз её посыпались смешливые искорки.

Андрей снова глянул на отражение в воде. На него смотрел молодой парень, волосы у которого были заплетены в мелкие косички, перевязанные сухими травинками.

– Ну, надо же! Ничего не понимаю... – удивился он и вдруг залился весёлым смехом.

Следом засмеялась бабушка, вытирая покотившиеся по щекам слёзы.

– Андрюшка, – всхлипывала она, – сознавайся, кто это тебя так искусно обработал?

– Бабуля, как на исповеди говорю: понятия не имею... Хотя, – перестал смеяться Андрей, – со мной ночью кто-то говорил. Да так интересно – каждый раз из разного угла. А когда я спросил, кто это, сразу спел мне колыбельную.

– Голос был женский или мужской?

– Хм... средний, шепотливый.

– Из разных углов, говоришь?

– Да. Как будто голос перемещался и очень быстро.

– Ничего страшного, внук. Кутиха это была.

– Бабушка! – упёр руки в бока Андрей.

– А чего я то? – поднял брови та. – Кутиха это была – верняк! Ты не гляди на меня так, не гляди! Знаю, что говорю! Жена это, Домового жена. Любит она по углам прятаться. «Кут» по-русски – угол, закуток ещё вот – укромный уголок. Не знал что ли?

– Да уж откуда мне...

– Пётр Петрович! – вдруг закричала Фёкла, – ты чего на забор полез?

– Ку-ка-ре-ку! – ответил куриный вожак и переступил с лапки на лапку.

– Поняла-поняла: полдень уже. Пойдём, добрый молодец, обедать. Долго же ты спал сегодня. Во как хозяйюшка углов постаралась.

– Ты рассказывай, рассказывай, не увиливай, – идя следом за бабкой и расплетая предпоследнюю косичку, говорил внук.

– А чего рассказывать? Я ж тебе говорила... али нет? Да нет же, говорила! Семейная пара домовых у меня живёт. Мы дружим. Хозяин моих курочек оберегает, а я ему каждую среду молочка наливаю и булочку кладу. Кутиха – хорошая женщина, добрая. Она в дом благополучие приносит и счастье.

– Она на тебя похожа?

– Почему на меня? Я не видела её никогда, – подвинула внуку тарелку щей с крапивой бабушка.

– Тогда как ты можешь знать, что она, такая хорошая, приносит счастье и благополучие?

– Дурачок ты, Андрюха, даром что учёным человеком будешь! Элементарно: у меня появились вы – ты и Мария. Это ли не счастье?!

Учёный человек, внук, не нашёлся, что ответить. По справедливости, кто-то же «позаботился о красоте его головы». Недобрый человек налысо бы его постриг.

Дообедали в тишине. Каждый думал о своём.

Наблюдая, как Феклинья Яковлевна составляет чистую посуду на полку, Андрей озорно блеснул глазами:

– Сударыня, не хотите ли вы сходить на свидание?

Замерев возле буфета с поднятыми вверх руками, бабушка оглянулась, не понимая, к кому обращается внук.

– Ты с кем разговариваешь?

– С вами, уважаемая, любимая Феклинья Яковлевна.

– Хи! А чего ходить? Дома-то оно как-то сподручнее...

Ну, в огороде ещё можно повстречаться.

– Фи, какая проза! У тебя никакого воображения, бабуля!

На свидание никогда не ходила что ли?

– Нет, не привелось как-то. Настька вот бегала к Лёхе свиданькаться... Теперь у меня ты есть как результат.

– Печально. А представление хоть о том, что такое свидание, имеешь?

– А то как же!.. Вот ночь – тихо-тихо, на небе – красная круглая луна – светло, как днём. Перелезаешь через забор...

– Чего это – через забор?

– Так калитка скрипит со страшной силой. А папаня чутко спит, холера.

– Ага, понял.

– Ну, вот... Как перелезешь, сразу падаешь на землю и ползёшь по-пластунски... Чего смеёшься? Это вы сейчас, подол задрамши, галопом к месту встречи несётесь. А в моё времечко, не дай Бог, кто увидит – ославишься на всю деревню так, что собственный жених от тебя откажется.

– Да ты что? А потом?

– А потом – не знаю...

– Ну вот! На самом интересном месте... Не любила что ли никого?

– Как это – «не любила»? Ещё как любила! Увижу где, сердце так сладко занает, щёки загорятся, будто свёклой намазаны, руки-ноги ватными становятся... Уехал он в город. С тех пор ни разу не видела его.

– А сосед?

– Какой сосед?

– Который сватается к тебе, проходу не даёт.

– А не люблю я его, сердце молчит, не ноет. И вообще: у меня ещё неделю назад был только один любимый мужчина – Пётр Петрович. Не поверишь, никого ко мне не подпускал, такой ревнивый.

– Почему «был»? А сейчас что же?

– А сейчас появился тут один... И ты знаешь, Андрюха, мой Петрович почему-то меня к нему не ревнует. Вот к нему на свидание я бы пошла.

– К Петровичу?

– Опять смеёшься? Фулюган!

– Не смеюсь. Одевайся в свой самый лучший наряд, я тебя приглашаю...

– На свидание?

– Да. Пойдём с тобой на почту. Я хочу, чтобы ты встрети-лась со своей племянницей, моей мамой. Я буду ей звонить. Эх, плохо, что в вашей Обуховке нет сотовой связи. Сейчас прямо из дому и позвонили бы.

СВИДАНИЕ

Через несколько минут Феклинья под руку с внуком шествовала по деревне к переговорному пункту. По случаю выхода «в свет» на ней было давно вышедшее из моды, но не сношаемое, трикотинное платье, босоножки поверх белых носочков, голову украшала яркая крепдешинная косынка. Все, кто попадался ей навстречу, отмечали важную поступь, горделивый взгляд и необычайно серьёзное выражение лица.

– Ой, Яковлевна, – окликнула старушку шедшая навстречу женщина, приблизительно её возраста, – ты чего такая нарядно-важная? И не узнать совсем.

– Что же мне важной-то не быть, Паша, на свиданье иду.

– Не поздно ли? – удивилась Паша.

– Поздно в моём возрасте, дорогуша, на свиданье ночью бегать, а днём – в самый раз, с пути не собьёшься.

– А кавалера твоего я впервые вижу. Красавчик писанный, кровь с молоком! Не томи, сознавайся, кто он такой?

– Внук это мой, Паша, Андрей!

И столько любви и таинственности вложила Феклинья в свой ответ, что Прасковья тут же отступила в сторону, давая пройти юно-зрелой паре, недоумевая, из каких таких за-

кромов-сусеков вытащила внука Фёкла, прослывшая в деревне давным-давно бобылкой.

Отойдя от односельчанки метра три, бабушка сдержанно засмеялась и глянула на Андрея. В глазах её светилось удовлетворение.

– Дала я кумушкам деревенским пищу для размышления, Андрюшка. Теперь все хором будут гадать, когда, в какое время и с кем я успела согрешить.

– Да. – Согласно кивнул тот. – И сразу родила внука вместо дочери.

На переговорном, услышав голос матери через далёкое расстояние, Андрей стал быстро говорить:

– Мамуля, привет! Я очень соскучился и очень много всего узнал. Подружился с Нежданом и Кутихой – она мне причёски делает по ночам, побеседовал со Жрецом, а Пётр Петрович мне спать не даёт по утрам. Я обожаю бабулечку Фёклу. У неё вкусные блинчики с мёдом... Что? С моей психикой всё в порядке, не волнуйся. А сейчас поговори со своей тётей.

Андрей сунул бабушке трубку в ухо и вышел из кабинки, уловив первую фразу, произнесённую взволнованным голосом Фёклы:

– Здравствуй, Марийка...

О чём будут говорить мама с тётей, он слушать не стал – о чём ещё? – конечно, о своём бабьем. А разве это интересно?

Заплатив оператору за тридцатиминутный разговор, он вышел на улицу. Небо немного хмурилось. Тучи гонялись одна за другой, закрывая солнечным лучам доступ к земле. Андрей вспомнил, что Велимор пригласил его на День Ярилы Мокрого. Осталось три дня. Ни с того, ни с сего он вспомнил и пророческое «то ли ещё будет», и сердце его учащённо забилося в сильном волнении. Что-то важное должно случиться через три дня. Но что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.